

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ГОДУ

Галина Владимировна Романова
Лучший день в году
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8275772

Романова, Галина Владимировна. Лучший день в году : роман: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74748-1

Аннотация

Восемь лет назад следователь Копылов вел дело о гибели молодой женщины Алины Савельевой, счастливой матери и жены. Ее обнаружили в канун Рождества повесившейся в своем загородном доме. Тогда дело было закрыто, а Алина признана самоубийцей. И вот теперь к Копылову пришли ее отец и восемнадцатилетний сын Кирилл и потребовали возобновления расследования на основании подозрений, возникших у них в адрес мужа Алины Геннадия. После покушения на фотографа Илью Шелестова – свидетеля, предоставившего много лет назад Геннадии алиби, – Копылов вновь берется за расследование той давней истории, тем более что в деле появляется новый загадочный персонаж...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	46
Глава 3	58
Глава 4	71
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Галина Романова

Лучший день в году

© Романова Г.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

В учительской было очень тихо. Два педагога, расположившиеся в противоположных углах, занимались проверкой тетрадей. Шуршали страницы, едва слышно поскрипывал стержень авторучки в руках у химички. Она проверяла контрольные восьмиклассников. А это, как правило, масса замечаний, много двоек, чуть больше троек, стабильно пять четверок и всего одна пятерка. Тетрадь потенциального умника лежала в самом низу. Ее она приберегла напоследок, чтобы хоть немного поднять себе настроение. Ну не желали дети учить ее предмет! Не желали! А она что? Прыгнет выше головы?!

Химичка, которую все в школе от мала до велика называли Ребенок из-за того, что она всех школьников называла именно так, неодобрительно косилась в противоположную сторону учительской, где шуршал пакетами с бутербродами математик Виктор Львович.

Он постоянно ест! Постоянно! На переменах пьет литрами кофе, к кофейной машине подойти невозможно, там Виктор Львович маячит. Как у него «окно», так он шуршит упаковкой бутербродов. Тетради перед ним на столе, а он колбасу ест! А потом на страницах сальные пятна появляются. Брр, какая нечистоплотность!

– Как там гений? Снова пятерка? – пробубнил с набитым

ртом Виктор Львович, чтобы разрядить гнетущую тишину.

Химичку он не жаловал. Считал эту старую деву противной и желчной. И совершенно не любящей детей. Ну что за блажь такая – называть всех без исключения – ребенок?! Да, ребенок, но к тому же еще либо мальчик, либо девочка. А от нее только и слышишь:

– Этот ребенок вымотал мне все нервы! – И непонятно, который или которая из них.

– Ребенок просто не выучил, а врет! – И снова непонятно.

Сам Виктор Львович детей очень любил. Говорил всем без исключения «вы», а особенно старательных называл по имени-отчеству. К слову, дети, все без исключения, отвечали ему взаимностью. Его предмет если и не все любили, то относились уважительно. И преподавателю практически не врали. Ну, разве что изредка.

– Гений? – отозвалась рассеянно химичка. – Вот только взяла тетрадь в руки, листаю... Да, все снова в полном порядке. Снова пять.

Она вывела аккуратную пятерку, осторожно закрыла тетрадку, положила ее перед собой и вдруг, накрыв ее обеими ладонями, испуганно глянула на математика.

– Знаете, Виктор Львович, мне иногда страшно.

– Нам всем иногда страшно, – отозвался тот меланхолично, дожевывая бутерброд с чайной колбасой, которую он очень любил. – Все мы чего-то боимся...

– Я не об этом! Я не о наших с вами фобиях! – раздра-

женно сморщилась химичка и постучала обеими ладонями по тетради. – Я о других страхах. Речь идет об этом ребенке!

– А что с этим ребенком не так? – язвительно отозвался Виктор Львович, он лично этого «ребенка» называл по имени-отчеству, потому что было заслуженно. – Этот ребенок гениален!

– Иногда мне кажется... Иногда мне кажется... – она закусила тонкую губу, неумело покрашенную фиолетовой помадой. – Иногда мне кажется, что это злой гений, Виктор Львович! Да, гениален! Бесспорно, эксперименты, которые мы проводим сообща, поражают. Расчеты... Это тянет на диссертацию, поверьте. Но стремления-то к науке нет!

– А к чему есть?

Виктор Львович заинтересовался. Химичка впервые так с ним разоткровенничалась. Тем более об одном из самых одаренных детей, в котором он совершенно не чувствовал никакого подвоха. Во всяком случае, при изучении этим «ребенком» преподаваемой им математики.

– Понимаете, как бы это сказать... Все эксперименты сводятся к одному – стремлению как-то использовать результаты в нашей повседневной жизни.

– Но это хорошо, милая вы моя! – Виктор Львович утробно хохотнул, незаметно для химички сыто рыгнул и сразу успокоился. – В конечном итоге наука должна работать на нас с вами. На человечество! А не оседать грудями бумаги в шкафах исследовательских институтов.

– Это понятно, все понятно, – она брезгливо морщилась в его сторону, конечно, заметила его отвратительное рыгание и готова была сделать замечание, если бы не тема, сильно ее тревожащая. – Да, наука должна работать на человечество, но во благо!

– Разумеется! – поддержал он, смущенно потупив взгляд: он понял, что она заметила.

– А тут-то все не так!

– В смысле? – Он отвлекся, пытаясь сильно сжать зубы, чтобы не оплошать вторично.

– В случае с этим ребенком все не так! Его гениальность стопорится на желании... на желании сотворить зло! – Ее голос затих на зловещей ноте.

– Ну-у-у, вы скажете тоже! – он благополучно избежал промашки и теперь радовался и страхов химички совершенно не разделял. – Злой гений, хотите сказать?

– Именно!

– И это в восьмом-то классе?

– Самый опасный возраст, Виктор Львович, – возразила она, не отнимая ладоней от тетради с отличными работами. – В этом возрасте происходит становление личности, вам ли не знать?!

– Согласен. И что? Прямо все так безнадежно с этим ребенком? – ядовито улыбнулся он. – Прямо-таки хотите сказать, что его гений работает только на зло!

– Я хочу сказать, что... – она вдруг сильно побледнела. –

Что сама гениальность была порождением зла.

– Как пафосно! – Он скептически скривил рот. – Зло, породившее гения! Это... Вам не кажется, что это перебор?

– Как!.. – Ее бледность сделалась сизой. – Как это вы правильно сказали, Виктор Львович!! Боже, не ожидала от вас, честно! Но боюсь, что вы, как никогда, правы. Этот ребенок... Да, вы правы. Это зло, породившее гениальность!!

Глава 1

Рождественская сказка, обещанная отцом Кириллу и маме, запомнилась. Она не могла не запомниться. Ее не смогли сгладить из памяти дни, недели, месяцы, годы. Даже наоборот! Чем больше проходило времени, тем четче и ярче становились картинки того дня. Будто какой-то злой гений водил невидимой кистью в его сознании, оживляя краски, пробуждая в ужасных воспоминаниях все новые и новые подробности.

– Сюрприз удался! – с сарказмом выдохнула бы мама, будь она теперь рядом. – Это так на тебя похоже...

Ее оборвавшейся жизнью закончился тот страшный день, который отец планировал устроить для них ярким, красивым, запоминающимся. Целый месяц он ходил, загадочно улыбаясь и прячась от них со своим телефоном. Кому-то звонил, с кем-то шептался и все обещал и обещал им великолепный праздник.

– Милые мои, вы даже не догадываетесь, что я для вас придумал! – воскликнул он утром шестого января за завтраком.

Утро было свежим, морозным. Он проснулся, выглянул в окно и обнаружил занесенный снегом их дворовый каток. Досадно! Собирались с ребятами погонять шайбу после завтрака. Теперь лед надо чистить. А кто станет?

В квартире вкусно пахло каким то бытовым освежителем. Это домработница Люся уже успела прибраться. Пирогоми не пахло. Мама не любила готовить. Люся не готовила, потому что ей за это не платили.

Он умылся, надел тонкий спортивный костюм, в котором всегда ходил дома, и пошел в кухню.

Отец болтал без умолку, сидя за столом в одних трусах, хотя мама и ругала его за это всегда. Он считал свой торс великолепным и не считал нужным его прятать. Светловолосый, высокий, голубоглазый, отец выглядел бы очень симпатичным, если бы не постоянная затравленность в глазах. Почему она там жила, он – его десятилетний сын – не знал.

У отца не было трудного детства. Он вырос в благополучной, вполне обеспеченной семье. У него были отличные друзья, его любила такая шикарная женщина, как мама. Почему тогда? Почему ему – его сыну – всегда казалось, когда он смотрел на отца, что тот постоянно чего-то боится? Или ждет чего-то плохого? Может, он заранее, за много-много лет предвидел, что в его жизни случится ужасная трагедия? Может, предвидел и каждый день ждал исполнения страшного приговора?

Эту черту он в отце ненавидел. Особенно, когда тот вздрагивал от громких звуков. Вздрагивал и морщился. Хотелось напрямую спросить: «Пап, ты трус?» Но отец не был трусом, он это точно знал. Он однажды врукопашную справился с тремя хулиганами, вооруженными битами, возжелавшими

отобрать у него кошелек и мобильник.

Отец не был трусом, но и счастливым не выглядел тоже. Хотя почему, казалось бы, да? У него все было для счастья. Доля в преуспевающем бизнесе, красивая и умная жена. Хороший сын, не огорчивший по-крупному своих родителей ни разу. Большая квартира в престижном районе. Дом, в который планировалось переселиться как раз после Рождества.

Все же есть! Казалось, живи и радуйся! Почему тогда хотя бы изредка не светились беззаботностью его глаза? Той самой беззаботностью, которую дарует ощущение безграничного счастья...

– Вы просто обомлеете от такой красоты! – пообещал он снова и покивал головой.

– Только не вздумай проболтаться, – поморщилась мама, раскладывая по тарелкам вязкую рисовую кашу. – Ты можешь!

– Не-а, не проболтаюсь. – Отец взял ложку, погрузил ее в вязкую массу на своей тарелке и осторожно перемешал. – Алина, гм-мм... Кашка-то, кажется, не удалась.

– И что? – спокойно отреагировала мама, залезая своей ложкой в горку каши. – Все равно это лучше, чем бутерброды. Ешьте.

Отец глянул на нее, согласно кивнул и сунул в рот комок слипшегося в молоке риса.

– Мам, можно я не буду это есть?

Кирилл отодвинул тарелку, посмотрел на мать – обидится,

нет?

– А что ты хочешь? – спокойно отреагировала она.

Отвела с лица за ухо выпавшую из прически прядь волос. Улыбнулась почему-то грустно, тронула его за щеку.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Там сырки были твои. Можно? И кофе?

– Можно, – согласилась мама со вздохом, опустила ложку в свою порцию, с трудом перемешала. – Честно? Мне и самой не нравится. Но ведь надо это есть, говорят, полезно. Никудышная я у вас хозяйка.

– Самая лучшая, – провозгласил отец, с трудом глотая последнюю ложку каши, он все съел. – Я из твоих рук даже... Даже смерть приму.

И он вдруг снова вздрогнул, и снова взгляд его сделался чужим и испуганным.

– Ну, ты, Геша, сказал, – рассмеялась мама, откидывая голову назад. – Я не представляю, что должно случиться, чтобы я вдруг возжелала твоей смерти?! Это не про меня!

– Я знаю. Ты миролюбива. Да это я так, к слову, милая.

Отец вяло улыбнулся и полез к ней через стол с поцелуем. Его накачанный пресс навис над небольшой супницей, пупок уперся в фарфоровую ручку. Мама увидела и шлепнула отца по боку.

– Гена же!! Ну, одеваться надо к столу!! А ты без штанов!

– Я в шортах, – возразил он, снова усаживаясь, поцелуй так и не состоялся.

– Это не шорты, а просто свободные трусы. Хорошо, у нас мальчик. А если бы девочка!

– А вот когда будет девочка, тогда и поговорим, – отец широко улыбнулся. – Когда-нибудь ведь будет?

Мать странно посмотрела на него и вдруг опустила голову. Отец погасил улыбку, и страх в его глазах сделался более явным. Даже Кирилл это почувствовал, хотя мысли его сейчас витали далеко-далеко. Где-то семью этажами ниже, на улице, где снегом замело их хоккейную коробку. Он отвлекся. Но когда мать едва слышно произнесла: «Не надо, Геша» – его вдруг проняло. И мысли заметались в голове совсем не детские.

А что он знает о своих родителях? Кто вообще они? Как стали вместе жить? Почему вполне безобидный вопрос о возможной сестренке разозлил мать и так перепугал отца?

Странно...

Эти недетские вопросы тем утром мучили его ровно три с половиной минуты, а может, чуть меньше. Потом он все забыл. Но спустя годы мог с точностью сказать, кто из них что говорил и о чем он в тот момент думал.

Что было потом?

Потом был суматошный день. Он ушел с ребятами на улицу, они чистили лед часа два. Потом бились трое на трое у одни ворота. Когда вернулся домой, родителей не было. Они уехали по магазинам. Потом случайно встретились с какими-то давними знакомыми и отправились ужинать в ресто-

ран. Мама звонила ему ближе к десяти часам вечера. Была очень веселой, оживленной, с кем-то параллельно шутила. Сказала, что они с папой будут поздно, чтобы он не ждал их и ложился спать. Вернулись, когда он спал. И в рождественское утро он не обнаружил их нигде в квартире.

– Мам, пап! – громко звал Кирилл, обходя по очереди все пять комнат. – А вы где?

Ответом была записка, пришпиленная к холодильнику и написанная маминой рукой:

«Кира, просыпайся, умывайся, завтракай и жди нас. Сюрприз будет ближе к вечеру. Мама».

Он принялся им звонить, но два самых родных абонента оказались вне зоны. Наверное, поехали в загородный дом, решил он тогда. Там планировалось проведение праздничного ужина. И сюрприз, о котором с загадочным видом шептался целый месяц отец, тоже должен был ждать их там. Видимо, мама в самый последний момент перехватила у отца инициативу и включилась в процесс. Так бывало всегда, когда он чего-то не успевал.

Кирилл залез в холодильник, достал копченую колбасу, копченого лосося, сделал себе гору бутербродов, заварил чай и завтракал в гостиной перед телевизором, тайно радуясь, что может позволить себе такую вольность. Через час пошел умываться и чистить зубы. И только собрался выйти на улицу, как объявился в Сети папа и сразу же позвонил.

– Кира, ты как, готов? – весело спросил папа.

– Смотря к чему, – осторожно ответил он. – А чего это вы вне зоны оба?

– Как? – не понял отец. – Как – оба?

– И мама, и ты.

– Не понял! – Голос отца сделался чуть тревожнее, чем прежде. – Мама оставалась дома, когда я уезжал. Я поехал в дом, там все будет. А мама... Она жарила тебе оладьи. Ты их ел?

– Ага! – соврал Кирилл.

Четыре сморщенных подгоревших оладушка он отправил в мусорное ведро, не притронувшись. Сверху прикрыл старой газетой, чтобы мама не огорчилась, обнаружив завтрак в помойке.

– Так вот, она должна была дожидаться, когда ты проснешься. Вы должны были с ней проехаться по магазинам, мы не все вчера купили. Заехать за Волковыми и вместе с ними... Господи, надо позвонить Волковым!

И отец отключился. Но почти тут же перезвонил:

– Волковы где-то за городом. С мамой не связывались. Ты, Кира, собирайся, я скоро заеду за тобой. Поищем ее вместе, сынок.

Господи, остаток дня они потратили на то, чтобы ее разыскать!! Ее нигде не было!!

Сначала они колесили по городу. Посетили всех маминых подруг. Потом три маникюрных салона, два косметических центра. Ее нигде не было!

– Но она же собиралась делать маникюр! – воскликнула тетя Лариса, одна из маминых подруг, когда отец позвонил ей. – Что, не было ее там?

– Не было, – упавшим голосом ответил отец и тут же принялся набирать номер тети Вали.

– Ну, не знаю тогда, Гена, – громко пыхтела тетя Валя, она была очень полной и неповоротливой. – Она точно собиралась перышки чистить. Точно! И куда подевалась?

Этого никто не знал. Кирилл, поначалу не обращавший на отцовскую суету никакого внимания, вдруг и сам встревожился. Так не бывало никогда, чтобы мама не звонила ему в течение трех часов. Она даже в школу часто звонила, отсчитывая сорок минут и точно угадывая время перемены. А тут ничего за весь день. Ничего, кроме записки.

Они колесили по забитому транспортом городу, попадали в пробки. Один раз колеса машины забуксовали в грязной снеговой каше, и пришлось просить о помощи. Отец нервничал, кусал губы, осматривал потемневшими от тревоги глазами толпы людей, спешащих по тротуарам, переходящих дорогу через пешеходный переход, все надеялся в этой безликой толпе увидеть свою единственную.

Мамы нигде не было.

– Слушай, Кира. Давай купим еще продуктов и поедем уже за город, – устав от бесплодных поездок по городу, предложил отец спустя три часа. – Сбор там, мама наверняка нас перехитрила и отправилась туда одна. Волковы уже скоро

приедут. Да и сюрприз... С ним я вообще, кажется, опоздал.

– Пап, а может, мама решила свой сюрприз сделать, а? – предположил Кира.

Какое-то ведь должно было быть объяснение ее исчезновению и молчанию. Что еще он мог тогда подумать, что?! Что вчера утром он видел ее последний раз, да?! В то утро, когда отказался от ее завтрака. И когда она почему-то смотрела на него с непонятной грустью.

– А что? – Отец вдруг оживился, глянул на сына с теплой улыбкой. – Мама, она может. Наверняка знала, что я опять все испорчу. Поехали сначала в магазин, нужен торт. Я вспомнил, что мы так и не купили торт. И виноград! Красный. Мама любит красный виноград. А потом – сразу за город. Это ведь не займет много времени, да, Кира?

Это заняло еще два часа. Сначала они долго ездили между рядами автомашин, пытаясь припарковаться. Потом, кое-как втиснув машину на освободившемся пяточке у будки охранника, они почти бегом двинулись к гудящему, как улей, супермаркету. Не было корзин и тележек! К прилавкам было не подойти. Но они все же ухитрились раздобыть шикарную виноградную гроздь, потянувшую на килограмм. И любимый мамин торт «Весенний» с фруктами, желе и кусочками молочного шоколада. Простояли полчаса в кассе, потом столько же выезжали на проспект. Торчали в пробках и на светофорах. Когда выехали за город, уже смеркалось.

– Незадача, – прошептал папа, глянув на часы. – Опозды-

ваем уже на полтора часа. Влепят мне неустойку, сынок.

– Кто, пап?

– Артисты! Я же хотел... – Он внезапно смолк, закусив губу, и до самого коттеджного поселка не проронил больше ни слова.

А Кире вдруг сделалось его так жаль, что в горле запершило. И он очень боялся, что, если станет что-нибудь говорить, его голос будет подрагивать, как у маленького. И по этой причине он тоже не разговаривал с отцом. Смотрел за окно, радовался тому, что снег наконец прекратился и хоккейную коробку во дворе теперь не занесет. И завтра – максимум послезавтра – они с пацанами снова сразятся. Но уже не на интерес. Бывший спортсмен дядя Сеня, проживающий на первом этаже в среднем подъезде, обещал какой-то приз победителю. Его дочка – противная веснушка Сашка – проболталась, что победителей ждут билеты на хоккейный матч.

Они благополучно миновали шлагбаум: отца очень хорошо знали и документы проверяли редко. Сегодня не проверили. Поплутав по отлично вычищенным улицам, они подъехали к дому. И тут же обрадованно переглянулись: во всех окнах первого этажа и в родительской спальне на втором этаже горел свет.

– Мама? – спросил Кира у отца.

– Мама! – выдохнул он и рассмеялся. – Ну, я так и знал, что она опередит меня с сюрпризом...

Но мамы в доме не было. Там обнаружили Волковы –

Татьяна и Сергей, разбирающие груды упаковок на кухне. Сердитый мужик в костюме Деда Мороза, ополовинивший бутылку дорогого виски. И странного вида женщина.

Кира сначала принял ее за подростка. Но когда она заговорила грубым прокуреным голосом и встала прямо под большой люстрой, он понял, что ошибся. Женщине было хорошо за тридцать. Она была просто маленькой и щупленькой, и стрижка у нее была очень короткая.

– Так не делается, мужик, понимаешь?! – еле ворочая языком, заорал сразу с порога на отца Дед Мороз. – Мы на какое время договаривались?! Актеры прибыли точно по времени, рассредоточилась по участку, как и было оговорено. Мы иллюминацию раскидали, салют подготовили, все как договаривались. А люди где?!

– Так вышло, – развел руками отец и тут же полез в карман куртки за бумажником. – Я возьму все. И даже больше. Извините.

– Извините?? – взвизгнула вдруг женщина-подросток. – У меня личная жизнь из-за этого дурацкого заказа полетела к чертям!! Я должна знаешь где быть теперь??

– Нет, – покачал головой отец, отсчитывая деньги и выкладывая купюры на стол перед охмелевшим Дедом Морозом. – Хватит?

– Вполне, – кивнул тот.

– Нет! – снова завизжала дама. – Это ни хрена не компенсация! Моя жизнь разрушена.

Волковы растерянно переглядывались и не вмешивались, продолжая распаковывать посуду, кастрюльки и контейнеры с продуктами. Сергей выглядел озабоченным, Татьяна – расстроенной. То ли их тут артисты достали, пока они с отцом ехали, то ли напряжение, вызванное отсутствием мамы, передалось от отца.

Отец добавил еще денег и выпроводил все же за ворота Деда Мороза и маленькую женщину.

– На чем они станут добираться до города? – спросила Таня, забывая полки холодильника привезенной едой.

– Вызовут такси, – отозвался отец, замирая возле огромного окна, выходящего на лес. – Ребята, ее нигде нет! Где она??

На минуту повисла тягучая пауза. Все замерли на своих местах, затихли. Даже часы на каминной полке перестали звонко отщелкивать секунды. Они не смотрели друг на друга. Они по примеру хозяина дома уставились в широкий проем окна, за которым густо темнел вечер.

– Так, хватит ныть, – с наигранной веселостью прикрикнула вдруг Татьяна, выхватила из холодильника бутылку вина, потрясла ею в воздухе. – Предлагаю начать пить за светлый праздник. Мальчики, вы как?

Мальчики не отозвались, тогда Татьяна достала из ящика стола штопор, ловко откупорила бутылку и разлила в три бокала.

– Ты еще маленький, – щелкнула она Кирилла по носу со

смешком, который ему показался фальшивым. – Так, давайте за Рождество! Давайте, мальчики, чего вы!

Мальчики, как снова показалось Кириллу, неохотно подняли бокалы. Чокнулись на расстоянии, слегка колыхнув воздух, выпили.

– Так, а теперь – закуски! – провозгласила Татьяна и принялась вытаскивать из холодильника контейнеры с едой, которые только что туда убрала. – Кирюша, помогай!

Кирилл взял в руки тарелки, стоящие стопкой на буфете, – это мама приготовила их к празднованию Рождества. Поставил пять штук на круглый стол в центре огромной кухни. Бросил вопросительный взгляд на отца, тот одобрительно кивнул, поняв, что пятую тарелку сын приготовил для матери. Потом подал две большие салатницы Татьяне, два блюда под мясо. И через десять минут стол был накрыт к праздничному ужину.

Холодная жареная курица, отбивные, прозрачный холодец, два мясных салата, жирная семга, запеченная в фольге. Чего только не было! Это тетя Таня, конечно, приготовила. Мама не любила и не умела готовить. Ей даже каша не удавалась.

– Ну! – Татьяна любовно осмотрела стол. – Прошу к столу! Все прохладное. Сами не разрешили разогреть. Все? Ничего я не забыла?

И тут отец достал из пакета ту самую виноградную гроздь, которую они купили для мамы.

– Вот! Алина любит, сейчас явится, а винограда на столе нет. Станет гневаться. – Он пустил в раковину воду и начал любовно омыwać каждую виноградину размером со сливу, по ходу приговаривая: – Я вот лично к винограду равнодушен. Мне дай яблоко, большое, сочное. Чтобы хрустело, и сок брызгал. А Алиночка виноград любит. Она без него никак. Вот так... Вот так...

Он искусно пристроил виноградную гроздь на тарелке для фруктов, поставил ее в центр стола, потеснив главное блюдо. Татьяна сморщилась, ей не понравилось.

– Так что, станем ждать беглянку или все же станем праздновать? – спросила она слишком громко, следом оглушительно хлопнула в ладоши и полезла за стол.

Вообще-то Кириллу было неприятно, что она тут всем распоряжается. Лазают по их холодильнику, трогает тарелки, вилки, звенит бокалами, усаживается за столом на мамино место – спиной к камину. Там мама всегда сидела. Это было ее место. С него прекрасно просматривался вход в кухню и оба громадных окна, за которыми теперь было черным-черно.

Но он не стал напоминать об этом тете Тане и тем более ничего не сказал отцу. Тот и так выглядел потерянным, без конца смотрел на часы, на дверь, проверял телефон. Он ждал, что она сейчас зайдет. Ждал!

Мама так и не пришла ни между вторым и третьим тостом, ни между первой и второй бутылкой. Гости и отец понемно-

гу напивались, разговор оживился. Скovanность, вызванная отсутствием хозяйки, постепенно отступала. И уже через пару часов все трое дружно хохотали, звеня бокалами и подкладывая себе на тарелки закуску.

Казалось, они совершенно забыли, что мамы нет. Их будто не тревожило, что целый день телефон ее отключен. Что она никого не предупредила, никому ничего не сказала, а просто исчезла куда-то. Куда? Для чего? И почему сегодня?! Сегодня же у них должен был быть праздник, отец же обещал! А он никогда не врал своему сыну. Артистов Кирилл своими глазами видел. И наверняка было бы весело, раз готовился салют и по всему участку была развешена иллюминация, которую так и не подключили.

Сюрприза не случилось, мамы нигде нет, а отец и гости нажираются теперь в кухне, усиленно делая вид, что все нормально, что все по плану.

Кирилл злился на них, он по шестому разу обошел весь дом, заглядывая во все углы. Что он искал, он и сам не знал. Ему нужны были ответы, и он надеялся, что в каком-нибудь пыльном уголке вдруг обнаружится для него подсказка. Но все было выметено, вычищено, все было подготовлено к празднику. Новые скатерти, новые покрывала на кроватях, новые подушки и одеяла. Нигде ни пылинки, ни кусочка чего-то такого, что могло бы натолкнуть на...

Грубый стук во входную дверь, которую родители захотели сделать дубовой, на краткий миг оборвал веселье в кухне,

потом оно вспыхнуло с новой силой.

– Ага! А вот и беглянка!! – завопила Татьяна, сползая со стула и семена полными оплывшими ступнями к выходу. – Сейчас мы ей!!

– Штрафной! Штрафной Алинке!! – орал ей в широкую спину ее муж Сергей. – Если она ничего выпить не привезла, мы ей...

Отец остался сидеть на месте. Он вдруг весь как-то сжался, уставился на дверной проем испуганными глазами, а ладони зажал коленями. Будто это он, а не мать, исчезнувшая куда-то без звонка на весь день, провинился. Будто это он, а не она заставила волноваться своих близких. А может, счел, что не должен был начинать празднование без нее, оттого и светился привычным страхом его взгляд. Может, почувствовал себя излишне хмельным и побоялся пошатнуться, оттого и не встал с места и не пошел следом за друзьями на грубый стук в дверь.

Так думал Кирилл, наблюдая за всем сквозь лестничные балясины. Он уже полчаса сидел на верхней площадке, рассматривая чужой праздник, казавшийся ему совсем не радостным.

Он не побежал вниз. И не потому, что обиделся на мать и решил, что она должна быть наказана хотя бы тем, что он не встретил ее у порога. А потому, что чувствовал, что это не она стучится в дверь. Так грубо?! С таким напором?! Да чтобы так молотить по двери, нужно иметь пудовые кулаки,

а у мамы ручки нежные и маленькие, с изящными длинными пальчиками.

– Алина-а-а, ты где была? – надрывалась Татьяна, ворочая непослушными пальцами головку замка входной двери. – Мы тебе сейчас...

– Штрафной! – орал как заведенный Сергей. И вдруг принялся скандировать: – Штрафной Алинке! Штрафной Алинке! Штрафной Алинке!!

Дверь после упорных усилий изрядно захмелевших супругов открылась, и в холл, прекрасно просматривающийся и из кухни, и с площадки второго этажа, влетела та самая маленькая женщина с отвратительно визгливым голосом.

– А-а-а-а! Господи-и-и-и! – орала она теперь низко и утробно, воздевая руки к высокому потолку. – Что делается-то?? Убили-и-и, господи!! Убили-и-и-и!!

Волковы, отшатнувшись от нее в испуге, замерли с открытыми ртами возле вешалки с куртками. Руки Сергея подперли поясницу. Татьяна сложила свои руки на груди и будто окаменела. Отец хотел было встать, да так и замер с приподнятым на десять сантиметров от стула задом. Кирилл эта немая сцена рассмешила, и он прыснул в ладонь.

«Может, это начало сюрприза», – вдруг подумал он, встав и начав спускаться по ступенькам к взрослым. Все так вот закрутили в детективном жанре и теперь тщательно изображают удивление. Отец больше всех расстарался, согнувшись кочергой с нависшим над стулом задом.

– Чего кричим? – встав перед голосящей женщиной, спросил спокойно Кирилл.

Ее крик странно булькнул и затих, будто кто утопил его в большом аквариуме, стоящем у входа в кухню. Аквариум пока только наполнили водой, не запустив рыбок.

– А?! – Маленькая женщина дернула коротко стриженной головой, будто птица над кормушкой, глянула мутными глазами на мальчика. – Кто ты?

– Я Кирилл, – он галантно протянул ей руку. – Вы артистка, я знаю.

– Да, артистка, – слабо заикаясь, ответила она, слава богу, орать перестала.

– Вам не кажется, что вы переигрываете? – Он кротко улыбнулся и подмигнул отцу, который уселся все же на стул.

– Что?! – Она глянула на него черными от страха глазами.

– Вы, – Кирилл ткнул ее пальцем в плечо, оказавшееся на уровне с его плечом, – переигрываете.

– То есть? – Кажется, она начала немного успокаиваться. Бледное лицо чуть окрасил румянец. Руки, метавшиеся, как крылья, замерли.

– Я понимаю, что ваше шоу должно быть по сценарию драматичным, но... – Он сам себе удивлялся, откуда вдруг взялись такие взрослые слова. – Но не до такой же степени! Смотрите, вы напугали всех. Тетя Таня перепугалась. Дядя Сережа... Отец вообще чуть в обморок не упал. Была бы тут мама...

– Что?! – Женщина дернулась, и бледность вернулась на ее лицо. – Какая мама?

– Моя мама, – Кирилл слабо улыбнулся, вдруг сделалось тревожно и противно внутри, будто он одним махом проглотил громадное мороженое. – Ее тут нет. Но если бы была, то...

– Как она выглядит? – Рука женщины впилась в его локоть, безумные глаза оглядели всех и снова остановились на Кирилле. – Как она, черт побери, выглядит?!

– Кто? Мама?

Голос неожиданно осип, и он почувствовал себя снова маленьким мальчиком, так нуждающимся в материнской защите. Конечно, и отец мог бы его защитить. Вопрос – от чего?! От ощущения надвигающейся беды? От этого не защитить. От страха? Так ему, кажется, тоже не по себе. Он хоть и сидел теперь ровно, но будто и не дышал вовсе, не сводя с маленькой артистки напряженного взгляда.

– Да, мама, мама! – громко и раздраженно отозвалась маленькая женщина, по-прежнему сжимая локоть Кирилла. – Как она выглядит?

– Она...

Кирилл вдруг зажмурился, пытаясь вспомнить в мельчайших подробностях, как выглядит его мама. Высокая, темно-волосая, с пронзительными синими глазами и четкой линией губ. Она очень грациозно двигалась и нежно улыбалась. Ее руки плавно скользили и мягко прикасались ко всему, до

чего она хотела дотронуться.

– Она необыкновенная, – выпалил он, и его губы задрожали от странной обиды на маму, бросившую его в такой вечер. – Красивая... У нее длинные ноги, тонкая талия и темные волосы.

– Это так? – Оттолкнув его, артистка шагнула к отцу. – Это ваш сын?

– Да, – кивнул тот едва заметно и грустно улыбнулся сыну через ее плечо. – Кирюша...

– А его мама, стало быть, ваша жена? – не унималась женщина, она уже почти дошагала до того места, где каменным изваянием сидел отец, хотя каждый шаг давался ей с трудом.

– Да, его мама – моя жена. – И еще одна грустная улыбка.

– И где она теперь?

– Алина? – Его плечи дважды поднялись и опустились. – Мы не знаем. Она не отвечает на звонки. И не приехала сюда, хотя я планировал сюрприз. Да вы сами знаете.

– Знаю, – она сгорбилась, сделавшись совершенно крохотной. – Это должно было быть настоящее шоу! Сценарий был грандиозным по замыслу, но... Но ваша мама не отвечает на звонки, и вам не до праздника. Хотя стол накрыть не забыли.

Ее голос на последних словах зазвенел злобой. Резко выпрямившись, она схватила со стола одну из початых бутылок вина и хорошо глотнула раз, другой, третий. Вернув ее с грохотом на стол, повернулась к Кириллу:

– Мальчик не нашел маму?! Надо же! Зато мы ее нашли,

черт побери!! Мы, которых твой папаша вытолкал за дверь на мороз и снег! Сначала он захотел артистов, потом не захотел! Опоздал, послал нас на хрен и... И нам пришлось звонить в такси, а никто сюда раньше чем через два часа не придет. А Макс поплыл... – она неопределенно махнула рукой в сторону входной двери, где все еще топтались перепуганные Волковы. – Он, оказывается, одолжил у вас еще одну бутылку скотча и, пока я пыталась дозвониться до такси, благополучно к ней прикладывался. И его так развезло, что... что мне пришлось его буквально тащить на себе.

– Куда тащить? – задал резонный вопрос Кирилл, взрослые почему-то молчали, таращась на наглую артистку, пьющую чужое вино прямо из горла.

– «Куда, куда», – отозвалась она ворчливо, как ворона прокаркала. – К вам в постройки!

Далеко за их домом, у границы участка, упираясь задней стенкой в высокий забор, стояли четыре строения, видом своим напоминающие сараи для содержания скота. Мама сильно возмущалась и грозилась все это снести к черту, поскольку не собиралась превращаться в скотницу.

– Гараж под домом есть! Всяких кладовых куча! Зачем еще эти сараи, Геша??

– Я не знаю, – виновато разводил руками отец. – Они сами. В проекте этого не было, Алиночка.

– Вот именно!! И за эти четыре убожества теперь придется платить!! Пусть сносят к чертовой матери!..

Сараи не снесли, поскольку снос был оценен дороже, чем их постройка. Мама смирилась и прошлой осенью вдоль этого убожества высадила живую изгородь.

– Разрастется, все скроет, – утешилась она мыслью, рассматривая голые хилые кустики.

Потом наступила зима. Кусты занесло снегом, дорожку до сараев тоже, и про них не вспоминали. И тут вдруг эта крохотная артистка с повадками хищной птицы про них напомнила.

– И ваш Дед Мороз теперь в нашем сарае? – спросил Кирилл и глянул в окно.

Проем был черен – ни звезд, ни луны, ничего. Просто черный квадрат с претензией на подражание шедевру.

– Да, мой Дед Мороз, тьфу ты, господи! Макс, мой Макс теперь в вашем сарае! В жопу пьяный! – снова принялась кричать артистка.

– И что он там делает? На морозе? – задал резонный вопрос ребенок десяти лет.

Он почему-то сегодняшним вечером ощущал себя на редкость взрослым и рассудительным. Да, он тревожился за маму. Да, у него не было никакого настроения. Но это же не значило, что он должен был приниматься пировать в ее отсутствие! Или вести себя как тряпка!

Это, если честно, он про отца так думал. Его поведение и раньше отвагой не отличалось, а сегодня вообще отец превратился в размазню.

– На морозе? – Артистка приложила ладонь ко лбу, сморщила лицо, будто у нее болела голова. – Он там, малыш, блюет. Прямо на снег, мать его! Прямо на порог вашего сарая.

– Потому что пьяный? – уточнил Кирилл и тоже поморщился, представив себе кучи блевотины на пороге сарая, которые кому-то потом придется убирать.

– И потому что пьяный – тоже. – Она широко распахнула глаза и, подойдя к отцу Кирилла вплотную, проговорила едва слышно: – И потому что он увидел там покойника. Точнее – покойницу. Она висит под потолком, твою мать!!

И вот дальше для Кирилла несостоявшийся сюрприз рождественского вечера начал превращаться в страшный сон. Даже много позже он не мог составить из рваных разрозненных черно-белых картинок единое целое.

Вот ахнул и сполз со стула отец. Или он не сполз, а упал прямо на колени? Или не упал, потому что его подхватила та самая маленькая женщина, которая, как потом оказалось, должна была быть Снегурочкой. Кирилл не помнил точно. Тетя Таня страшно закричала из угла прихожей и начала заваливаться на вешалку с куртками. Она ее, кажется, повалила. Или сама упала, а сверху на нее вешалка? Кирилл не помнил точно. Помнил только, как возилась она огромной толстой гусеницей в ворохе курток и вопила, и вопила...

Дядя Сережа, поначалу пытающийся ее поймать, махнул рукой, выхватил чью-то куртку из груди, натянул на себя и выскочил за дверь. Отец сделал попытку побежать за ним,

но то ли остутился, то ли запутался в чьих-то рукавах, распростертых на паркете, и рухнул рядом с Татьяной. Артистка куда-то подевалась. Или Кирилл просто перестал обращать на нее внимание. Он теперь уже не помнил. Зато отчетливо помнил, как вышел из дома на крыльцо прямо в домашних тапках. Поежился от морозного воздуха, жадными щупальцами обхватившего его с головы до ног, и медленно пошел в сторону сараев. Снег был глубоким, и местами мальчик проваливался в него почти по колено. И, кажется, уже через дюжину шагов потерял где-то тапки. Но упорно шел, рассматривая цепочку чьих-то следов, оставленных тут до него. Следы были и не следами, а глубокими ямами с неровными краями, и их тут было великое множество. Потом следы вдруг прервались кустарником, высаженным мамой. Кирилл перелез через низкие сухие ветки, припорошенные снегом. И увидел Макса в шубе Деда Мороза. Он корчился на снегу, пригоршнями забрасывая снег себе в рот, и постанывал. Дяди Сережи видно не было. Видимо, он вошел в открытую дверь сарая, потому что там горел тусклый свет от маленькой лампочки у входа. Во всяком случае, Кириллу показалось, что он видит какие-то движущиеся тени.

– Дядя Сережа! – Ему показалось, что позвал он недостаточно громко. И поэтому, кашлянув, повторил: – Дядя Сережа!!

Макс заворочался на снегу, сел. Поднял голову на Кирилла.

– Тебе не надо туда ходить, пацан, – вдруг сказал он почти трезвым голосом. – Не надо!

– Почему?

Кирилл шагнул раз, другой к открытой двери. Он не чувствовал боли, холода, хотя шагал по снегу в одних носках. И страха не было. Его охватило странное тупое любопытство. Он не знал, что увидит среди мельтешащих теней в распахнутом настежь сарае. Но точно знал, что жаждет это увидеть.

Увидел...

Мама...

Нет, под потолком на толстой веревке болталось то, что осталось от мамы. Длинное голое тело, болтавшееся в полумраке сарая, можно было назвать деревянным. Его будто кто выстругал из старой деревяшки, потом облил местами бурой краской, а на голову нахлобучил скомканную паклю. Так теперь выглядели мамины волосы – спутанные, мокрые, темные от крови. Ведь это же была не краска, так? Это была кровь?

– Ма... – позвал Кирилл непонятым дребезжащим голосом. Так дребезжала ложка в стакане с чаем, когда они путешествовали поездом по Европе. – Ма, это ты?

И тут из угла, откуда до Кирилла доносились странные сдавленные звуки, выскочило что-то огромное, горячее. Заслонило его от страшного видения, выволокло на улицу, потащило куда-то в сторону. Это дядя Сережа пытается его защитить, сообразил Кирилл, не пытаясь вырваться. Ему бы-

ло больно подмышки, так крепко держал его дядя Сережа. С правой ноги у него сполз носок, зацепившись за кустарник, нога окончательно отмерзла, и он пытался поджать пальцы, чтобы хоть как-то их согреть. Сколько времени тащил его дядя Сережа? Минуту, две, час? Кирилл не помнил. Запомнился этот чудовищный холод, поднимающийся все выше и выше от пальцев ноги до колена, потом до пояса, до шеи, до сердца...

Господи, тогда вот он впервые почувствовал, где у человека находится сердце, и понял, что это значит, когда оно болит. Оно жутко болело! Оно так сильно билось о его грудь, что болело и, наверное, кровоточило, потому что он отчетливо чувствовал во рту вкус крови. Он узнал его. Во время игры в дворовый хоккей случались и разбитые носы, и губы.

– Гена!! – заорал дядя Сережа, втаскивая Кирилла, безвольно болтающегося у него на руках, в дом. – Гена, вызываю полицию!! Алина... Она мертва...

Все! Вся мозаика тут же сложилась в голове Кирилла неотвратимой жуткой правдой. Все сжалось в один тугий комок – гадкое мертвое тело в крови, страшный холод, заморозивший его.

Мамы больше нет. Ее никогда больше не будет. Она умерла. Страшно, болезненно, превратившись из красавицы в чудовище.

Его укутали в одеяла, отнесли куда-то наверх, положили на кровать и, кажется, забыли о его существовании. Дом на-

полнился грохотом, шумом, кто-то громко кричал, плакал. Потом он услышал, как к дому подъехало сразу несколько машин. Шума стало еще больше, и хлопанья дверей тоже.

Кирилл лежал на кровати, укутанный одеялами, не в силах сдвинуться. Ему казалось, что если он попытается встать, то непременно упадет и разобьется. И тогда все будет вокруг в крови. Ее будет так много, так...

Когда он начал выть, он не понял. И даже не слышал себя. Он очень громко, тоненько выл, перепугав всех, кто был на тот момент в доме. По лестнице загрохотали шаги. Их было так много, что они оглушили его. Он сильнее зарылся в одеяла и принялся выть еще громче. Толпа людей окружила его, они принялись утешать. Потом они рвали с него одеяла, не понимая, что ему очень, очень холодно. Стаскивали с него штаны и кололи какие-то уколы, приговаривая, что все теперь будет хорошо. Что сейчас с ним все будет хорошо.

Но хорошо-то уже быть не могло, так? Мамы-то больше не было! Как могло быть без нее хорошо?..

Следующие два года они прожили с отцом в кошмаре. Кирилла пришлось лечить у каких-то светил психиатрии. На это уходила куча денег. Приходилось что-то продавать, чем-то жертвовать. Отцу пришлось долго оправдываться перед правоохранительными органами, потому что члены семьи принадлежат к группе риска: как объяснял ему работник прокуратуры, они первыми попадают под подозрение.

Долгих два года им обоим пришлось вести долгие нуд-

ные разговоры, оправдываться, объяснять, выворачивать душу наизнанку. Потом это все внезапно закончилось. От них отстали. От Кирилла – психиатры, сделав пометку в карточке, что он абсолютно здоров. От отца отстали следователи, придя к выводу, что мама погибла, наложив на себя руки.

Кажется, они еще долго мотали нервы и Макс, который в тот день должен был играть роль Деда Мороза. Но у него было железное алиби – несколько пар глаз, которые видели, что он неотлучно находился при своих спутниках.

В результате дело было закрыто. Но отец не верил, что мама это сделала с собой. Он так и считал, что ее убили. Кто-то напал на нее и убил.

– И эта непойманная мразь живет, жрет и радуется жизни, – заканчивал он, уже когда изрядно напивался. – И мы никогда, никогда не узнаем, кто сделал с ней это!! Никогда...

Разговоры эти звучали все реже и реже, через пять, семь лет и вовсе стихли. А потом Кирилл, когда ему уже исполнилось восемнадцать, неожиданно узнал, что отец уже давно живет своей собственной жизнью. Что их осиротевшая без мамы семья давно состоит из одного человека. То есть из него одного. У отца семья есть. И кажется, там даже есть дети!

– Это правда?! – спросил он у отца, когда случайно узнал.

– Что – правда? – Отец с вызовом поднял на него взгляд, в котором со дня смерти матери поселилась тупая, как у идиота, отрешенность. И повторил вопрос: – Что – правда?

– Что ты давно живешь... с женщиной?!

– А с кем я, по-твоему, должен был жить, с мужчиной, что ли? – фыркнул отец со злостью.

– Но как же так?! Я всегда думал, что ты и мама...

Кирилл растерянно глянул на портрет матери, висевший на центральной стене в гостиной их другой, небольшой квартиры из трех комнат. Старую они продали. И дом продали тоже. Почти сразу, как отстали психиатры и следователи.

– Я всегда думал, что ты не сможешь без мамы! И ее никто, никто не сможет заменить.

Он запнулся на полуслове, потому что горло больно сдавило, как в тот страшный день, когда он провизжал почти полчаса, пока его не отключили уколами.

– Ее никто и не заменил, – отец равнодушно пожал плечами. – Но я здоровый мужик, и мне чисто физиологически нужна женщина. Это ты можешь понять? Ты же уже взрослый, не ребенок!

Кириллу сделалось противно.

Да, он взрослый. И он даже уже не был девственником. Уже полтора года. Но, как каждый ребенок, он обожествлял своих родителей, и где-то глубоко в подсознании у него, как и у всех детей, жила мысль, что его рождением всякий секс у родителей и закончился. Да им это и не нужно вовсе! Они уже... старые! А тем более зачем секс отцу, если у него теперь нет мамы!

Так он думал, когда был ребенком и подростком. Потом

даже думать об этом перестал. Теперь вот отец заставил его.

– Да, я взрослый. И, как взрослый, хочу знать, кто она? – после продолжительной паузы решился он на вопрос, преодолев гадливость. – И как давно это у вас? Я ее знаю?

– Да.

Отец нарочно повернулся к портрету матери спиной, хотя Кириллу хотелось обратного. Ему хотелось, чтобы тот каялся, глядя прямо ей в глаза. Пускай они были и неживыми.

– Кто это?

– Таня... Волкова.

– Волкова?? – ахнул Кирилл, и его передернуло. – Это Волкова тетя Таня?? Ты с ней?? Но как ты мог?! После мамы... Господи, она же корова просто!! Она же...

– А мне плевать, что ты об этом думаешь, Кира, – отец, не поворачиваясь к портрету матери, глянул на него с высокомерием, и это было очень ново и необычно. – Эта женщина любит меня, готова ради меня на все. Она родила мне прекрасных двойняшек.

– Двойняшек?? – ахнул Кирилл.

У него есть братья? Или сестры? Сколько им? Как давно он с этой женщиной? Как давно отец предал память о матери?! Как давно он обманывал своего сына, который думал, что он единственный?!

Чудовище!! Отвратительное, похотливое, лживое чудовище!!

– Да, у меня еще есть сын и дочь. Твои брат и сестра. Саша

и Даша. Им четыре года.

Отец повернулся, его мрачное лицо скрасила счастливая улыбка, адресованная внебрачным детям. Хотя...

– Как мило, – хмыкнул Кирилл и отступил, когда отец попытался дотянуться до его плеча. – Может, ты уже и официально на ней женат?

– Да, женат. Официально. Уже... – Он махнул рукой, провел ладонью по глазам, будто хотел прикрыть их от стыда, который теперь испытывал. – Уже пять лет, Кирюша. Я женат на ней уже пять лет.

– Это значит, что ты женился на ней сразу после смерти дяди Сережи?! Дождался, пока он умрет от страшной болезни, и... А если бы он умер раньше? Скажем, через полгода после смерти мамы, ты прямо тогда и... Господи, как мерзко!

– Не смей так говорить!! – заорал вдруг отец, жилы на шее вздулись, лицо покраснело, отрешенный взгляд сделался сумасшедшим. – Твоя мать... Она... Она никогда не любила меня! А я страдал! Ты был очень маленьким, чтобы это понимать! Ты не видел ничего! А я страдал... Очень страдал от ее равнодушия, беспечного равнодушия! Ей было плевать на меня и даже на тебя! Она жила своей собственной жизнью, в которую никого не пускала, кроме...

– Кроме?

Кирилл сжал кулаки. Если сейчас отец хоть одно плохое слово скажет о матери, он ему даст в лицо. Он заслужил!

– Кроме ее постоянных половых партнеров, которых она

меняла! – заорал отец, и жилы на его шее превратились в скрученную пеньку, которая вот-вот порвется. – Она их меняла, Кира!! Как перчатки!!

И Кирилл его ударил. Ему показалось, что он едва замахнулся, желая просто унижить отца. Но вышло, что свалил его с ног. Отец упал на пол, скорчился и захныкал.

– Вырастил... Вырастил ублюдка... – слышалось с пола. – Такой же неблагодарный, как и твоя мать!! Как ты мог меня ударить, засранец?! Как ты мог?!

Кирилл перешагнул через скорчившегося на полу отца, вошел в ванную, заперся. Глянул на себя в зеркало. На него смотрел молодой симпатичный юноша, голубоглазый, темноволосый, с полными губами, как мать. Он был хорош. И знал об этом. Он был спортивен, потому что изнуряющими тренировками пытался долгие годы заглушить пустоту и боль, поселившиеся внутри с десяти лет. Он был осторожен и умен, потому что с десяти лет ощущал себя одиноким. Он никогда не доверял никому своих тайн и сомнений. Они жили глубоко в нем. И одно из таких сомнений вот прямо теперь родилось в его душе. Очень нехорошее сомнение, грязное, перечеркивающее все его минувшие восемь лет сиротства.

А что он знает о гибели матери? От чего она умерла? Петля ли ее убила?

Он никогда не видел заключения экспертов. Его не допускали к разговорам на эту тему. Это было вредно для его

пошатнувшейся психики. Все разговоры в его присутствии сводились на нет. Да и разговоры эти велись шепотом. Кем велись? Отцом, родственниками мамы, Волковыми...

Надо же! Тетя Таня теперь его мачеха! Вернее, она его мачеха уже пять лет, а он об этом не знал. И у него, оказывается, есть брат и сестра, двойняшки. Сколько им? По четыре года? Уже большие. Достаточно взрослые, чтобы задавать вопросы.

А куда почти каждый день уходит папа ночевать? Почему? Где он бывает, когда не работает?

Кирилл, к примеру, мог бы запросто ответить на эти вопросы милых детишек. Папа, которого он не привык ни с кем делить, ночевал почти каждую ночь вот в этой самой квартире. На своей кровати, которую вечером разбирал, грубо стаскивая с нее стеганое атласное покрывало. А утром это самое покрывало накидывал обратно. И тапки его всегда стояли в прихожей. И домашние вельветовые штаны хранились в шкафу. И посуда...

– Дерьмо! – скрипнул зубами Кирилл и плеснул в свое зеркальное отражение водой. – Дерьмо собачье!! Кто угодно, но не она!

Тетя Таня...

Ничего общего с матерью. Мама была высокой и стройной. Волкова – низкой, полненькой, неуклюжей. Мама двигалась грациозно, плавно. Когда она шла по улице, ей вслед оборачивались мужчины, а женщины завистливо скрипели

зубами.

Тетя Таня переваливалась уточкой. Отец что же, находил это красивым, забавным, удивительным?

Мама была темноволосой, голубоглазой, черты лица изящные, нежные.

Тетя Таня темноглазая, прическа из черных мелких кудряшек была всегда одной и той же и напоминала воронье гнездо. От нее вечно пахло какой-то сдобой и шоколадом, будто она работала на кондитерской фабрике. А она вообще, кажется, нигде не работала. Сидела на фирме мужа, варила кофе и ждала, когда они вместе пойдут домой после работы. Так ему рассказывали, во всяком случае.

Кирилл еще тогда, восемь лет назад, уже вступая в пору подростковой зрелости, недоумевал: как может дядя Сережа восхищаться своей женой? А он восхищался! Всегда! Хотя, по мнению Кирилла, единственной женщиной, которой можно и должно было восхищаться, была его мама. Она была самой красивой, самой нежной и самой очаровательной женщиной.

Как мог отец после мамы жить с этой толстушкой?! Как мог родить с ней детей, имея Кирилла?! Разве он не поддерживал его все эти годы?! Разве не старался сделать так, чтобы в доме было уютно и всегда была еда? К слову, вполне сносно научился готовить. Даже отцу нравилось, он хвалил его.

– Мама могла бы у тебя поучиться, – сказал он как-то,

уплетая жареную курицу с картошкой. – Потрясающе готовишь, сынок!..

И что теперь обо всех его прежних словах думать?! Фальшь?! Вранье?! Предательство?! Он ел его еду, хотя на-верняка возвращался домой уже сытым.

Кто за это за все ответит?!

– Дерьмо! – снова повторил Кирилл и опустил голову под мощную ледяную струю...

Глава 2

– А привет, Танюха!!

Пьяная рожа родного брата втиснулась в щель между при-толокой и входной дверью – дряблая кожа, мутные глаза, вялые губы. Щеки мелко подрагивали, веки тоже, будто у Ильи был нервный тик. Но Таня знала причину этого нервного расстройства – невозможность похмелиться. Снова станет просить денег.

– Чего надо? – Таня решительно преградила брату дорогу, подперев дверь крепкой коленкой.

– А денег дай, – вялые губы вытянулись в черту сизого цвета, так братец улыбался теперь.

– Нет денег, Илья. Уходи! – Таня нажала коленом на дверь, пытаясь выдавить наглеца на лестничную клетку.

– Не уйду! – Брат, в свою очередь, тоже налег на дверь, оттирая сестрицу от входа. – Не уйду, лучше пусти по-хорошему!

Таня отступила. Бороться с ним сил не было, она устала сегодня, прибирая все комнаты и наготавливая на семью.

Гена давно предлагал взять домработницу, она была против. Не терпела чужих людей в доме. Достаточно няни, которая с утра до ночи сновала по квартире. Все что-то вынюхивала, высматривала, даже, кажется, подслушивала, о чем они говорят с Геной. Да и претендентки по его объявлению

приходили все молодые и хорошенькие. Что могло из этого получиться, Татьяна приблизительно представляла.

– Ну, как хочешь! – раздраженно подвел черту Гена пару лет назад. – Только не жалуйся потом, что устала!..

Она и не жаловалась. Теперь, когда не было нужды торчать весь день на фирме, она научилась работать по дому, выкраивать время на отдых. Заваливалась в ванну с компрессом на лице. Через полчаса – контрастный душ. Потом большой стакан свежесжатого сока, переодеться и с журнальчиком на диванчик. Если получалось, то дремала. Если нет, то просто смотрела картинки. Читать она не любила. К приходу Гены она бывала отдохнувшей, спокойной, свежей. И ее хватало на всякого рода любовные ужимки, которые он просто обожал. Странно, но он действительно обожал всякие муси-пуси, поцелуйчики и двусмысленные разговорчики на фривольные темы. То ли по сути своей всегда таким был, то ли натерпелся со своей покойной Алинкой, которую Таня всегда считала замороженной, настолько та была неэмоциональной.

Сейчас у нее выдалось как раз время для отдыха. Близнецов няня увела на прогулку, потом в кафе и к бабушке, Гениной матери. Там они должны были остаться ночевать. Татьяна уже и воду в ванной открыла. И компресс для лица приготовила с ромашкой и мятой. И тут Илья!

– Илья, денег не дам! – Таня встала, подбоченившись, у него на пути, а то еще, чего доброго, попретя по чистому

полу в своих пыльных кроссовках. – Денег нет!

– Хочешь сказать, что Гена твой тебе не дает на ведение домашнего хозяйства?! – Сизая линия улыбки изогнулась скорбной скобкой. – Не верю! И сама много бабла имеешь!

– Слышал себя, да? – Таня помотала в воздухе указательным пальцем. – Все деньги в бизнесе. Гена денег дает на ведение домашнего хозяйства! Ты-то в это самое хозяйство никак не вписываешься, дорогой братец! Никак!

– Ага... – Илья по примеру сестры тоже подпер тощие бока, обтянутые грязной ветровкой, хотя на улице было очень жарко. – Раньше, стало быть, вписывался. Теперь – нет! Здорово!

– Раньше? А что было раньше? – Она изобразила лицом удивление, хотя внутри все тут же заняло от злости. – Не помню, убей меня!

И тут произошло нечто неожиданное: Илья на нее напал. Такое случилось впервые, поэтому она не сумела вовремя среагировать, чтобы отступить на шаг, чтобы загородиться, чтобы не позволить этому уроду – одной с ней крови – сделать пакость. Не сумела, и Илья пакость сделал.

Он оттолкнул ее к стене, навалился и схватил за халат на груди.

– Ты что, сука, забыла, как я на тебя пахал?! Забыла, как выполнял все твои поручения?! – Его руки вдруг отпустили ее халат и принялись мять ее груди. – А у тебя, Танька, сиськи – отстой! Вялые, как... А вот у той, другой, были что

надо, так?! Ух, как ты бесилась, что она лучше тебя! Ух, как заводилась, стоило мне рассказать тебе, как они...

– Заткнись, урод! – громко зашипела она на брата, собрала все силы и, отодрав его руки от груди, резко оттолкнула от себя. – Извращенец поганый!

– Это вы все извращенцы! Вы все уроды, сестренка! Друг за другом следили, фотографировали, снимали на видео... Вы все уроды!! А я шел у вас на поводу, твою мать! И много чего делал для тебя! А ты мне теперь даже на бутылку не хочешь денег дать?! Сука-а-а! Дай денег, сука-аа!!

Илья с присвистом закончил и заревел, размазывая слезы и сопли по одутловатому лицу.

Таня стояла, не в силах сдвинуться. В голове мелькали разрозненные кадры ее прошлой жизни. Той, которую она всячески старалась забыть. Той, в которой она будто и не жила, а тупо существовала. Там было все: ненависть, боль, отвращение, стыд, гадливость, ожидание. И всю эту отвратительную кучу она старательно хоронила в душе. Никаких воспоминаний! Никаких угрызений!

И все помогали ей в этом, все! И муж, и родители, и дети. Муж заботился, родители не спрашивали. Дети радовали. То, что Илья сейчас озвучил, не обсуждалось уже почти восемь лет. Об этом просто забыли по умолчанию, и все!

Неужели он дошел до ручки, раз решил сделать ей больно?!

– Убирайся! – прошипела Таня и, замахнувшись, с разма-

ху залепила Илье по щеке. – Убирайся! Никаких больше денег! Я сполна заплатила за все!

Илья сторбился и попятился к двери. На сестру он не смотрел, внимательным взглядом ошупывая стены прихожей.

Что и говорить, Танька жила хорошо. Он не ожидал, что после смерти Сереги она так поднимется. Что оправится от беды, снова выйдет замуж. И за кого! Это вообще для него стало новостью. Он много чего ожидал, но только не этого! А она даже детей родила этому парню. И зажили они счастливо, но как-то, даже на его пьяный взгляд, неправильно. Генка много работал, приходил после службы к Таньке, а ночевал со своим сыном. И Илья подозревал, что Кирилл даже не догадывался, что отец живет двойной жизнью. Дети всегда обо всем узнают последними.

Н-да, всегда узнают последними...

Он остановился у двери, взялся за сверкающую ручку, потянул на себя, но вдруг снова хлопнул дверью и обернулся на сестру:

– Если ты не дашь мне денег, я предам огласке все, все, все! И думаю, что кому-то не поздоровится. – Он был жалок и знал об этом, но все же постарался, чтобы его взгляд выражал угрозу. – И не надо скалиться, Танюша. Ты даже не представляешь, фитиль от какой пороховой бочки у меня в руках. Даже не представляешь! Я ведь могу его в любой момент поджечь. И тогда...

– Что тогда?

Она нагнула голову и тут же поморщилась: эта пьяная рвань все же натоптала. Она не боялась брата. С какой стати? Обо всех ее грехах Гена знает. Кого Илья еще мог удивить? Прессу? Очень ей надо перебирать старое грязное белье! Да чье? Татьяны Волковой! Она – не жена знаменитого олигарха или политика. Она – жена рядового, пускай и удачливого, бизнесмена. Интересы не представляет ни для кого.

Так она ему и сказала. И каково же было ее удивление, когда Илья, помотав у нее перед носом грязным кулаком, произнес:

– Ты дура, Танька. Дура толстопятая! Я могу одним движением своего языка превратить картинку твоего счастья в кошмар.

– Болтай больше! – фыркнула она, но неприятный холодок прополз между лопатками.

– У меня есть такие картинки, Танька! Мне за них Голливуд может столько бабла дать! – Илья мечтательно закатил мутные глаза. – А ты... Ты на бутылку жалеешь, овца!

– Вот и поезжай в Голливуд, – предложила она и, изловчившись, распахнула дверь, выталкивая непутевого брата за порог. – А сюда больше за деньгами не приходи. Никогда!

Удивительно, но он не стал упираться. Он вдруг сделался каким-то на удивление задумчивым, будто неожиданно пришедшая в его хмельную голову мысль оказалась на редкость удачной. Таня не терпела такой его мимики: она частенько

бывала у Ильи в прошлой жизни. И тогда случались проблемы.

– Все, Таня, прощай.

Илья так звонко хлопнул в ладоши, что у нее зазвенело в ушах. Он засеменял к лифту, нажал кнопку, не глядя на сестру. Но перед тем как шагнуть в кабину, все же покосился на нее и с сожалением произнес:

– Э-э-эх, дура... Как же ты пожалеешь, ох, как пожалеешь, Танюха! Бойся меня, поняла?! Сильно бойся!

Как только Илья шагнул в лифт, Таня тотчас захлопнула входную дверь. Привалилась к ней, положила руку на левую грудь и зажмурилась от бешеных толчков сердца. Мерзавцу Илье удалось вывести ее из равновесия. Не то чтобы она его боялась, ей, по сути-то, и бояться нечего. Но...

Но нагадить он мог. Мог распушить мерзкие слухи, мог родителям чего-нибудь такого наговорить. А с другой стороны, для нее это важно? У нее давно другая жизнь. И то, что было в прошлом, в прошлом и осталось. Тьфу на него!

Таня вдруг вспомнила, что у нее открыта вода, и метнулась в ванную. Шапка пены вылезла из ванны горбатым сугробом. Хорошо, вода не перелилась через край, а то были бы проблемы с соседями. Она закрыла краны, принесла с кухни остывший травяной отвар, разделась и погрузила тело в ванну.

Хорошо, как хорошо в ароматной горячей воде! Кажешься самой себе легкой, изящной, красивой. Таня нанесла жир-

ный крем на лицо, положила сверху салфетку, смоченную в отваре, и, опуская руки в воду, нечаянно задела свою грудь. И гадливость, вызванная встречей с Ильей, тут же снова вернулась.

Что он сказал? Что у нее противные сиськи? Что у той, другой, грудь была много красивее? Да, что-то типа того. Но что с того-то, господи?! Ее грудь вот она, ее можно потрогать, можно погладить, можно поласкать, чувствуя, как, набухая, твердеют соски. Что, собственно, Гена ежедневно и проделывает. А та, другая грудь давно сгнила, сгнила, черт бы ее побрал! И ревновать к ее красоте не то что глупо, а вообще неуместно!

– Да пошел он! – устало прошептала Таня и устало закрыла глаза, настраиваясь на отдых.

И ей это почти удалось. Она дольше обычного нежилась в ванне, потом делала прическу, старательно вытягивая утюжком кудряшки. Немного подкрасилась, долго выбирала одежду. Остановила выбор на легком вельветовом костюме темного синего цвета, состоящем из широких брюк и курточки с короткими рукавчиками. Этот костюм она часто надевала на даче у родителей, Гена говорил, что он ей очень идет, и она его берегла. Дома не носила никогда. Запросто можно посадить пятно на кухне. Или близнецы могли изляпать грязными ручонками, вымазанными в пластилине или акварельных красках. А сейчас вдруг ей захотелось его надеть. Захотелось снова понравиться Геннадию. Услышать его

похвалу.

Но Гена не похвалил ее. Более того, он нахмурился, когда она ему как бы вскользь рассказала про визит Ильи и про его угрозы.

– Почему ты не дала ему денег на бутылку, Таня? – спросил он сразу, как она закончила говорить.

Он даже вилку отложил, хотя до этого с удовольствием брал с тарелки домашние пельмени размером с Дашин кулачок.

– Но, Гена... – Она растерянно теребила пуговицу на вельветовой курточке.

Кстати, Гена обратил внимание на ее потуги выглядеть красиво. И похвалил, и даже расстегнул на ней одежду, и принялся поглаживать, возбуждаясь с каждой минутой все сильнее. Она остановила, дура. Решила, что пускай сначала поест и послушает новости. Послушал!

– Что – Гена?? – Он непозволительно повысил голос. – Ты совсем дура, Тань?!

– Но, Гена... – Голос ее задрожал, глаза наполнились слезами, и как-то так вышло, что пуговица от курточки очутилась у нее в ладони. – Почему ты так со мной разговариваешь?

– А как мне с тобой разговаривать?! – заорал он уже во все горло и вскочил, опрокинув кухонный стул. – Ты хоть понимаешь, какое дерьмо он может снова всколыхнуть?! Ты хоть знаешь, через что мне пришлось пройти?? Я два года...

Два! Года! Жил в кошмаре! Я и Кирилл!! Ты хочешь теперь и наших детей протащить через это?!

– Нет, не хочу.

Она тут же забыла про обиду и испуганно замотала головой. Перед глазами мгновенно всплыли испуганные мордашки близнецов. Мысль о том, что она как-то невольно навредила им, такой болью отозвалась во всем теле, что она громко застонала.

– Гена, что делать? Что делать, Гена? – Она принялась раскачиваться из стороны в сторону, слезы текли по щекам, нос тут же заложило. – Что я наделала, Гена... Что я наделала...

Отсутствующая верхняя пуговица, которую она нечаянно оторвала, позволила широко разъехаться полам курточки. И грудь, которую Илья счел непривлекательной, плавно заходила из стороны в сторону. Гена тут же среагировал.

– Ладно, малыш, успокойся. – Он присел перед ней на корточки, уткнувшись лицом в распахнутую курточку на груди. Глубоко втянул в себя аромат жены. – Как ты славно пахнешь, милая... Как славно... Идем в кроватку, идем...

– А как же Илья? Как быть с ним, Гена?

Она послушно поднялась со стула, тут же под его требовательным взглядом сняла с себя все прямо в кухне и послушно пошла впереди Гены в спальню. Дошла до кровати. И тут же получила ощутимый толчок в спину. Упав на живот, резво перевернулась, широко развела ноги.

– Иди ко мне, милый, иди, – прошептала она, наблюдая,

как муж судорожно стаскивает с себя штаны. – Какой же ты у меня красивый, любимый мой! Какой же ты...

Через полчаса, выйдя из ванной и приглаживая влажные волосы ладонью, Гена неожиданно сообщил:

– А я ведь насовсем, Тань.

– Что? – Приняв душ чуть раньше, она куталась теперь в белый махровый халат.

– Я не уйду, Тань.

– Сегодня? – Она часто заморгала, не понимая, что происходит. – Кирилл уехал куда-то?

– К черту все, малыш! – Он обнял ее, прижал к себе. – Кирилл все знает про нас. Я рассказал. И оставил там, в прихожей, ключи от той квартиры. Да и... И от той жизни тоже. Меня там больше нет, Тань. Я теперь с вами. Насовсем.

– Геночка... – прошептала она, зажмуриваясь. – Это правда?!

– Да. А Илье ты позвони, малыш. И постарайся быть с ним повежливее. Просит денег – дай. Три сотни рублей – это такой пустяк в сравнении с тем, что он может разявить пасть!

– Позвоню. Обязательно позвоню.

Таня, как кошка, сладко жмурилась, подставляя щеки его губам. Поверить в то, что Гена теперь целиком и полностью принадлежит ей и двойняшкам, было невозможно. Она так долго этого ждала, так долго об этом мечтала. Как они станут проводить все вечера вместе, вместе ложиться спать, вместе

просыпаться. Планировать выходные.

– Боже, какое счастье! – шепнула она ему в ухо, почувствовав тут же забравшиеся под халат жадные руки на своих голых бедрах. – Я не могу поверить.

Ей ведь теперь не придется занимать свой досуг тем, о чем Гене знать совсем необязательно. Тсс, у каждого есть свои секретки, так?..

Глава 3

Кирилл сидел на веранде бревенчатого дома, где жил его дед, и щурился на солнце, пробивающее бреши в густой еловой хвое.

Дом был старым, но добротным и удобным, хотя комнат в нем было всего две. Сразу из темного, насквозь пропахшего полынью коридора попадаешь в крохотную кухню, где стояли стол, четыре стула, газовая плита, холодильник, комод и рабочий стол. Из кухни – вход в большую комнату, величественно именуемую дедом гостиной. Там подпирали стены два здоровенных новых дивана друг против друга, меж ними вдоль стены – старомодный платяной шкаф. Большой ламповый телевизор напротив, до сих пор замечательно показывающий. И сервант с пустыми посудными полками. Туда дед летом складывал прессу, чтобы зимой было чем печку растапливать. Из гостиной – вход в крохотную спальню с панцирной койкой, заправленной старинным лоскутным одеялом и заваленной горой настоящих пуховых подушек. Рядом с кроватью тумбочка, где стоял радиоприемник и всегда лежали запасные дедовы очки.

Вообще-то раньше этот дом деду не принадлежал. Дед жил вместе с бабушкой в городе. В трехкомнатной, шикарно отремонтированной родителями Кирилла хрущевке. Бабушка и по сей день там живет. Одна. Дед переехал сюда, в глушь

на границе двух областей, у самой кромки елового леса. Он купил этот старый, никому не нужный дом после смерти своей дочери – матери Кирилла. Поначалу просто скрывался тут ото всех, пряча горе в дубовом срубе и воя на стены. Потом вообще переехал.

– Почему, дед? – задавал ему вопросы Кирилл, изредка навещая предка.

– Из-за всякого рода разногласий, – отвечал тот лаконично, не вдаваясь в подробности.

Поскольку бабушка тоже о причинах помалкивала, Кирилл со временем от них отстал. Да и виделись они нечасто. Кирилла поначалу донимали психологи, занимая все свободное от учебы время. Потом он всячески старался создать для отца идиллию семейного очага, который...

Который, как оказалось, ему ни хрена был не нужен. Который у него уже был. Тайный, подпольный. Теперь отец из этого подполья вышел и, более того, ушел насовсем из их общего дома. Когда Кирилл два дня назад ударил отца, а потом скрылся в ванной, он думал, что все утрясется. Что сейчас он выйдет, попросит у отца прощения, и все будет как прежде. Но отца уже не было дома, а его ключи от квартиры лежали на тумбочке в прихожей, красноречивее всяких слов утверждая, что отец ушел навсегда.

Он его бросил...

Дед загремел в кухне, интеллигентно выругался и через пару минут подал Кириллу на веранду через окно кухни ог-

ненный электрический чайник и заварник.

– Чашки сам принесу, – проворчал он, потирая обожженные пальцы. – Варенье бабкино будешь?

– Нет. Я же все привез, дед, чего ты.

Кирилл поставил на деревянный стол, стоящий на веранде круглый год, чайник и заварник. Полез в пакет возле плетеного кресла, в котором сидел. Килограмм любимого дедом орехового печенья, килограмм сушек с маком, два батона, полкилограмма сыра и пачка масла. Он выложил все на стол, надорвал пакеты. Через пару минут дед вышел из дома на веранду с чашками. С грохотом поставил на стол, кряхтя, уселся в плетеное кресло напротив Кирилла.

– Печеньки, – мечтательно улыбнулся он, выхватывая из пакета сразу горсть ореховых кругляшек. – Молодец! Помнишь.

– Я, дед, все помню, – многозначительно изрек Кирилл и начал разливать кипяток и заварку по чашкам.

– И что же ты помнишь? – Темно-серого цвета глаза деда уставились на него с интересом. Он улыбнулся: – Как ремня тебе давал в семь лет за то, что ты спалил мою новенькую электробритву, помнишь?

– Ремень не помню, бритву – да. Классная была бритва, дед!

Кирилл улыбнулся. И веселье деда тут же померкло, до того внук был похож на покойную дочь. Глаза, волосы, губы, манера говорить, улыбаться. Вылитая Алина! Была бы жи-

ва, теперь порадовалась за сына. Хорошим парнем вырос. Не подлым. Не то что его отец, прости господи.

Зятя Иван Митрофанович не ненавидел, он его презирал. И в глубине души считал ответственным за гибель своей дочери. Если бы не его малодушие, если бы не его мелкая душонка, Алина была бы жива до сих пор. И не верил он ни черта ни в какую судьбу, о которой стенала днями и ночами его жена. Не верил! Потому и разошлись они во мнениях, оттого на старости лет и разъехались. И живет он теперь один в этой заброшенной деревне. Думает, много думает, сопоставляет, вспоминает и снова думает. И чем больше думает, тем...

– Что ты сказал? – встрепнулся Иван Митрофанович, за раздумьями пропустив последние слова Кирилла.

– Отец ушел из дома, – буркнул тот вторично, опуская глаза в чашку с чаем.

– Как это?! – Иван Митрофанович замотал седой лохматой головой, зажмурившись. – Я не понял? Как ушел? Куда? Что за блажь? Ты выгнал, что ли?

Кирилл бы не смог выгнать отца, в этом дед был уверен. Он бы вот лично дал пинка этому скользкому хлыщу. С удовольствием бы дал. Еще при жизни Алины. Но Кирилл...

– Я его не выгонял, дед. Я его... – Кирилл растопырил пальцы, глянул на свои перевернутые ладони. – Я его ударил, дед.

– Что ты его?? – ахнул тот и, забыв про ноющие артритные

коленки, вскочил с кресла. – Ударил??

Кирилл лишь кивнул, боясь поднять на деда взгляд. Сейчас станет ругать, учить жизни, воспитывать. Он этого ждал. Дед всегда учил его, как правильно жить. И иногда, перегибая палку, до такой степени изводил внука, что тот сокращал свои визиты до минимума и спешил удрать.

Он видел тупые носы летних дедовых сандалий, видел кромку его широченных тонких брюк без стрелок, в которых дед обычно ходил по дому. И почему-то ткань этих брюк сейчас мелко подрагивала.

– Дед, ты чего?! – ахнул Кирилл, все же осмелившись посмотреть на деда.

Тот плакал. Слезы, как горошины, скатывались по его морщинистым смуглым щекам, застревали в густой трехдневной щетине, щадя свежую белоснежную рубашку, в которую дед нарядился специально к приезду внука.

– Дед, ты чего? – Внук взялся за крепкую дедову руку. – Ты прости меня, если...

– Ты молодец, Кира, – сквозь стиснутые зубы чуть слышно прошептал дед и пожал Кириллу руку. – Ты у меня молодец. Как же я... Как же я мечтал все эти годы дать в морду этому... Прости, он тебе отец, но... Но не могу передать, как мне хотелось сделать то, что сделал ты, мой мальчик! Иди ко мне, я тебя обниму!

Они обнялись, оба крепкие, рослые, темноволосые. Порода, как с удовольствием отметила бы мама, будь она жи-

ва. Возраст лишь добавил старику седины и морщин, тело по-прежнему оставалось мощным и крепким. Молодой был чуть изящнее в костях, но сила и гибкость, которая с годами только заматерееет, в нем уже ощущались.

Они были очень похожи все: Кирилл, его дед и покойная Алина.

– Прости меня, мой мальчик. Расслабился.

Дед отпихнул от себя внука, тот послушно уселся на место. Старик достал белоснежный платок из кармана летних штанов, вытер породистое лицо, которое, невзирая на морщины, все еще оставалось привлекательным. Сел снова в свое кресло. Пригубил остывающий в чашке чай, зажевал печеньем.

– Масло и сыр надо убрать в холодильник, – как ни в чем не бывало проворчал он, швырнул пакеты Кириллу на колени, скомандовал: – Отнеси.

Тот отнес в холодильник масло, сыр. Подивился, что у деда на полках множество каких-то кастрюлек, сотейников, накрытых мисок. Готовит, молодец. Вернулся на веранду. В том, что дед сейчас станет его допрашивать, он почти не сомневался. И точно, дед встретил его вопросом:

– За что?

– Ударил, что ли?

– Не включай дурочку, Кира! – прикрикнул дед строго. – Ну!

– Он женился, дед. Тайно. На Волковой тете Тане. – Ки-

рилл еле выговорил, так противно было произносить все это вслух.

– Ух ты! – Дед едва заметно качнул головой, глаза остекленели, уставившись Кириллу в переносицу. – Молодец Геня. Что же нас на свадьбу-то не пригласил?

– Так свадьба-то, дед, случилась пять лет назад!

– Да ладно! Пять лет назад?? Так, погоди, погоди, а Серега Волков?

– Он к тому времени как раз благополучно скончался от тяжелой болезни. И друзья решили не сиротить друг друга, черт... – Кирилл почувствовал, как закипают злые слезы. – Дед, я не сдержался. Я не должен был, я...

– Не трюнди, Кира, – властным жестом остановил его Иван Митрофанович. – Я жажду подробностей! Как? Как все это произошло? Почему он молчал? Он же все эти годы жил с тобой?

– Да, жил. Крайне редко не ночевал. В году... Я не знаю... – Кирилл потряс в воздухе растопыренной ладонью. – По пальцам можно пересчитать отлучки из дома. Мы с ним постоянно вместе были, исключая то время, когда я в школе был, а он на фирме своей. И тут бац! Он женат! И мало того...

– Что?! Не молчи! – Голос деда напомнил дальние раскаты надвигающейся грозы.

– У них есть дети, дед! – вырвалось у внука с обидой.

– Дети?? – Крупная голова деда дернулась, будто кто-то

невидимый нанес ему осязаемый удар. – Что значит – дети?!

– Двойняшки, девочка и мальчик! – И он добавил, как выплюнул. – Саша и Даша!

– Ох, господи! – Сильная ладонь деда легла на левую сторону груди, чуть комкая рубашку. Он зажмурился. – А бабка знает?

– Дед, ну я-то откуда знаю! – всплеснул руками Кирилл. – Я с бабушкой в последний раз виделся на Рождество...

Сказал и осекся. Рождество в их домах уже восемь лет не праздновали. Это была годовщина смерти матери. И собирались они в этот день на поминки. Кирилл ехал с отцом к бабушке. Дед пил один в этом доме. Потом, дня через три, а то и через неделю, Кирилл приезжал к нему и вывозил груды мусора из пустых бутылок, пивных банок и пустых упаковок из-под бомж-пакетов. Дед встречал его всклокоченным, опухшим, в несвежей одежде. На Кирилла почти не смотрел, но разрешал тому прибираться в доме. И даже не гневался, когда ловил на себе осуждающие взгляды внука. После этого они, как правило, не встречались месяца два, давая друг другу немного отвлечься.

– И она ничего тебе не говорила на Рождество? – уточнил дед, уминая ореховые печеньки.

– Нет. Она, как всегда, плакала, – Кирилл поднял голову вверх, старательно рассматривая острые солнечные лучи, рвущие еловые лапы на мозаику. – И ничего такого.

– Она не знает, – убежденно заявил дед. – Дай-ка мне свой

мобильник, Кира.

– Зачем? – спросил он, но телефон деду протянул.

– Надо, – дед неуклюже тыкал крупным пальцем в кнопки. – Ага, вот она, твоя бабушка... Сейчас мы ее спросим...

Бабушка ответила почти сразу.

– Да, Кирюша, – раздался в трубке ее тихий голос, сильно напоминающий мамин.

– Это не Кирюша, Валентина. Это Иван.

Дед отвернул лицо от Кирилла, но тот заметил два красных пятна, расцветших на дедовых щеках. С бабушкой дед не виделся, наверное, уже лет шесть.

– Ваня?! – ахнула та и тут же переполошилась: – Что с Кирюшей, Иван?? Что с ним??

– Ну почему с ним что-то должно быть, Валь? Вот он сидит напротив, жив, здоров и вполне упитан. Чего ты переполошилась-то?

Голос его стал мягче, глаз деду Кирилл не видел, но по неугасающему румянцу понял, что дед взволнован разговором с женой.

– А почему ты звонишь с его телефона?

– Потому что, Валя, у меня нет своего, – напомнил дед. И тут же перешел к делу: – У меня к тебе вопрос.

– Да, Ваня.

– Ты знала, что Генка женился? – И тут же, не сдержавшись, процедил сквозь зубы: – Паршивец!

Бабушка молчала. И дед тут же вышел из себя:

– Знала, что ли? Валя, не молчи!

– Гена? Женился? – еле выдавила из себя бабушка, ясно давая понять, что она ничего не знала. – Но как же так, Ванечка? Как же так? Он же и Кирюша... Он же...

– Он же, мы же, вы же! – передразнил ее дед со злостью. – А я говорил тебе, только ты не слушала!

– Не начинай, – плаксиво оборвала она его. – Что было, то было. Женился так женился. Времени-то сколько прошло! Восемь лет, Ванечка. Ему уже пора перестать оплакивать нашу Алиночку и...

– Дура!! – взревел дед и заметался по крыльцу. – Ты хоть знаешь, что он перестал ее оплакивать пять лет назад! У него уже детям по четыре года, дура!! А ты всегда его защищала! Всегда утверждала, что нет его вины в гибели моей дочери!! Ты...

Даже со своего места Кирилл слышал, как громко рыдает бабушка. И сердце у него разрывалось. Он встал и ловким движением выдернул у деда телефон. Произнес в надрывающуюся плачем трубку:

– Ба, потом перезвоню, – и отключился.

Глянул на деда. Тот с трудом опустился в кресло, тяжело дышал, широко открыв рот. Лицо его сделалось белым.

– Дед, с тобой все в порядке? – переполошился Кирилл. – Может, таблетку?

– Принеси мне лучше из холодильника... – дед звучно пощелкал пальцами, недовольно сморщившись. – Там внизу,

увидишь. Да, и сыр свойхвати и лимончик.

Внизу холодильника обнаружилась початая бутылка коньяка. Кирилл со вздохом нарезал сыр, лимон, добавил две котлеты, обнаруженные в миске под тарелкой. Взял стопку и понес все деду.

Тот с ходу опрокинул стопку, зажевал лимончиком. Следом вторую, в ход пошел сырок. И лишь после третьей съел обе котлеты. Отдал бутылку Кириллу и жестом велел убирать со стола. Тот управился за пять минут, распахав все по полкам холодильника и буфета. Вернулся на веранду. Дед сидел в кресле, полуприкрыв глаза. Кулаки были крепко сжаты. Губы стиснуты в линию. Кирилл не стал приставать к нему с вопросами, заготовленными еще дома, решил выждать. Сел, подставил лицо солнцу, как через сито, пробивающемуся сквозь еловые иголки. Становилось жарко и очень хотелось на пруд, который дед собственноручно начал чистить пару лет назад. Дело двигалось туго, но двигалось. Хотя купаться пока преждевременно. Сначала должен состояться разговор, которого Кирилл и хотел, и боялся одновременно.

– Говори, зачем приехал, – прервал молчание дед, как всегда безошибочно угадав настроение внука.

– Даже не знаю, как начать. – Кирилл сощурился самому юркому солнечному лучу, забравшемуся под кровлю веранды и застолбившему как раз то место, где он сидел.

– Начинай с самого начала, – потребовал дед.

– Я хочу... Только не смейся надо мной, дед! – предупре-

дил Кирилл, загоразживаясь от деда ладонями.

– Ну! – прикрикнул тот, рассматривая внука в упор.

– Я хочу найти убийцу моей матери, дед.

– Ух ты! – Дед ослабился в злой ухмылке. – И давно хочешь?

– Хочу давно. Но решился только теперь. Надеялся, что отец мне поможет в поисках, когда я вырасту. Но...

– Но твой отец мерзавец, так?! – повысил голос дед. – И ему плевать, найден преступник или нет! Его это не волновало с первого дня! Единственное, что его волновало, – это чтобы его поскорее оставили в покое. Ну и, как оказалось... Чтобы побыстрее сыграл в ящик его соперник и конкурент.

– Что ты имеешь в виду? – напрягся Кирилл.

Ему все равно было неприятно слушать подобное об отце. Ведь он долгие восемь лет был для него единственно близким человеком.

– То и имею! Что Серега Волков мешал ему завладеть бизнесом целиком и полностью и заодно его толстушкой-женой! Сначала Алина мешала, потом Серега, – скрипнул зубами дед, обратив на Кирилла взгляд, полный тревоги, замешательства, надежды. – Помоги мне, внук!

– Что?

Кирилл не понял, подумал, что дед просит помочь ему подняться, и потянулся к нему. Но тот отмахнулся.

– Помоги мне вывести этого говнюка на чистую воду! Помоги мне!! Это ведь только он... Только он во всем виноват!!

Никто мне не верит, никто! Но это он!.. – И дед, закрыв лицо ладонями, заплакал...

Глава 4

Он решил, что сегодня не пойдет на службу. Почему любой маляр, доктор, ученый хоть когда-то, да может прогулять, а он – нет?! Он что, проклятый?!

Хотя если разобраться, то да – проклятый. Он проклят от рождения судьбой, навязавшей ему обостренное чувство долга и справедливости. И это проклятие шагало с ним по жизни рука об руку, избавляя от врагов и друзей одновременно, от влюбленных в него женщин и любимых им. Оно – это проклятие – превратило его в отшельника, угрюмого, нелюдимого, вечно сердитого. Оно наложило отпечаток на его внешность, сжав в тонкую линию его губы, обозначив резкие носогубные складки и прорезав лоб глубокими морщинами. Оно ссутулило ему спину и проредило волосы на макушке.

Он превратился в старика к сорока годам, никому не нужного и неинтересного даже самому себе. И он уже лет пять назад поставил крест на своей личной жизни. Перестал знакомиться с женщинами, ходить на свидания и ездить на отдых с целью кого-нибудь закадрить. Нет, он ездил, конечно. Но на отдыхе был так же суров, не улыбочив и при общении ядовит. Женщины от него буквально шарахались, мужчины при общении ежились.

– Неприятный тип, – утверждали некоторые.

– Брр, только не он! – восклицали другие.

Нет, конечно же, были люди, которые его глубоко уважали. Терпели его отвратительный характер, прислушивались к нему и даже хвалили. Но таких было немного. И они были из тех, с кем не совьешь семейного гнездышка. А он вдруг стал ловить себя на мысли, что ему все чаще и острее хочется это самое гнездышко свить.

Только вот с кем?!

– На безрыбье и рак – рыба, – ткнул его позавчера вечером в бок один из терпящих его друзей Степка Изотов и кивком указал на полненькую блондинку за соседним столиком. – Знаю, не любишь толстых, но она одна. И это шанс, старик. Для тебя шанс.

Блондинка и правда была одна, обручального кольца на пальце не было, следа от него – тоже. И она, поймав их заинтересованные взгляды на себе, поочередно улыбнулась каждому.

– Представляешь, она думает так же, – сразу догадался он, поднимая рюмку с водкой. – Ей тоже без разницы с кем – с тобой или со мной.

– Саня, в твоём возрасте и при твоём характере ты проявляешь поразительную разборчивость, – возмутился Степка, отворачиваясь от блондинки, не перестающей скалиться в их сторону. – Радовался бы хоть этому варианту!

Саша Копылов решил внять совету и порадоваться. Они напились, познакомились с блондинкой, и он притащил

пышногрудую и задастую Лену к себе домой. Дома они продолжили пить, закусывать водку квашеной капустой и черным хлебом, потом перебрались в постель и не выбирались из нее всю ночь субботы и целое воскресенье.

Блондинка Лена оказалась алчной до ласк и секса, чему он поначалу даже не противился. Алчной до денег, что насторожило его уже в обед воскресенья, когда она принялась ощупывать жадным взглядом вещи в его квартире и интересоваться его званием и окладом. И обладала просто зверским аппетитом, сметая всю еду из его холодильника и подбирая все до крошки из коробок доставленной им на дом пиццы.

– Короче, ты ее наладил? – догадался Степа, позвонив в воскресенье поздно вечером.

– Да, – коротко ответил Саша.

– И о встрече не условился?

– Нет.

– И более того, расстался с ней не очень вежливо? – продолжал строить версии друг Степа.

– Совершенно верно.

– Ты ее выгнал?! – ахнул тот.

– Да.

– Ты взял ее за руку и вывел из квартиры, как было тогда...

– Да, – перебил его Саша и поморщился.

Просто Степка сейчас напомнит ему о самом постыдном в его жизни поступке, когда Саша собственноручно вывел

свое счастье за руку из этого дома. Было это...

Правильно, было это лет восемь или десять назад. Он тогда увлекся молоденькой училкой музыкальной школы. Находил ее очень милой, грациозной, интеллигентной. Они даже встречались какое-то время. И все у них шло замечательно, на его взгляд. Пока Лера – так звали училку музыки – однажды не вознамерилась поучить его жизни. Она позволила себе его покритиковать, решив, что имеет на это право. И Копылов просто встал из-за стола, который она, между прочим, накрыла к ужину. И вывел ее за руку из квартиры. К ее чести следует отметить, что шла она к выходу безропотно. Не истерила, и не сопротивлялась, и даже не пыталась объяснить. Просто смотрела на него так...

– Как? – решил уточнить Степка, рассматривая Сашу сквозь граненый стакан с коньяком, пили они прямо в рабочем кабинете.

– Как больная собачка.

– Ей бы не понравилось такое сравнение, – кивком застолбил свои слова Степа и выпил. – Ей бы больше понравилось... Смотрела с болью, с укором... Понимаешь, о чем я?

– Хочешь сказать, что я дебил?

– Ну, может, и не дебил, но придурок – точно, – с удовольствием констатировал друг и с аппетитом присосался к апельсиновой дольке. – Выгнать из дома такую женщину! Это был твой последний шанс, поверь. Больше не будет. И знаешь...

– Что?

– Мне кажется, она даже любила тебя, дурака.

– Она не говорила.

– А ты?

– Нет. – Коньяк вдруг перестал нравиться Копылову, а то, что Степка отвратительно чмокал апельсином, раздражало до судорог.

– Я же говорю – придурок!..

К разговору больше не возвращались. Годы шли, Леру он больше не видел. И не потому, что не хотел. А потому, что она уехала из города куда-то. Он не узнавал специально. Это Степка постарался. Он вообще часто за него хлопотал.

Леру он больше не видел. Но то, что Степка сравнил ее с этой азартной толстухой, вдруг покорило.

– Ты сравнил тоже! – укорил он друга.

– Ну, извини, – миролюбиво буркнул Степа, это уже в понедельник утром. И вдруг переполошился: – А ты чего это, собственно, не на службе? Я-то понятно, в отпуске. А ты?

– В отгуле, – Копылов закатил глаза к потолку, настойчиво требующему ремонта восьмой год.

– Ах, в отгуле! Это когда же нам с тобой отгулы-то давали, братишка? Прогулять решил, что ли?

– Точно, – признался Саша. – Почему всем можно, а мне нет?

– И прямо именно сегодня? – зачем-то уточнил тот.

– А что сегодня за день?

– Понедельник.

– Ну, понедельник, и что?

– А то, что у тебя выходные были в субботу и воскресенье, – это ничего? Прогулять он решил! – уже с явной злостью проговорил приятель. – Там сейчас на твое место очередь выстроится, умник!

– Пускай.

– Ага! Там молодых и алчных до твоего места знаешь сколько?

– Пускай.

– Ага! А мне потом с кем работать? С молокососами? Которые из всей следственной работы знают только, как протокол допроса из папки вытащить. Короче, давай, Санек, морду умой и шагом марш на службу!

– Ох, господи, – тяжело вздохнул Копылов, сбрасывая ноги с растрепанной кровати. – Никакого покоя от тебя! Я в дежурку звонил, между прочим, и предупредил.

– Я в дежурку тоже звонил, между прочим. И знаю, что ты сказался больным. Потому и звоню. А ты решил просто прогулять. Супер!

– Ну да.

Копылов поймал в полированной дверце шкафа свое отражение. Морда была так себе. Грудастая Лена вымотала его основательно. Ему теперь трое суток после нее надо отсыпаться. И поесть не мешало бы, а после нее в холодильникемышь удавилась.

– Короче, Саня, дуй на службу. Сколько времени тебе надо?

– А тебе зачем?

Копылов вдруг понял, что друг не просто так звонит, пеняет ему за прогул, торопит с подъемом.

– Что-то случилось?

– И да и нет, – замялся Степка.

– А конкретнее?

Саша уже был в ванной, открывал воду и шарил по полкам в поисках бритвенного станка. После гостыи вообще ничего невозможно было найти. Он вчера полтора часа искал полотенце. Нашел в прихожей в обувной полке.

– Мне ребята из дежурки позвонили, попросили связаться с тобой, чтобы наверх все не пошло.

– Что все-то?! Опять жалуются? – Станок нашелся среди флаконов с шампунем и укрепляющим бальзамом для его редеющих волос.

– Нет, не жалуются. Требуют возобновить расследование.

– Кто?!

Копылов быстро прокрутил в голове все дела прошлых месяцев. Те, что в производстве, и возобновлять было не надо. Остальные либо в суде, либо не закрыты. Никому не было отказано за минувший год в возбуждении уголовного дела. Никому!

– Восемь лет назад, Саня, повесилась женщина в коттеджном поселке. Помнишь?

– Савельева! – ахнул Копылов, тут же вспомнив тот мерзкий случай на Рождество.

– Именно, Саша.

– И что хотят? Муж не должен, он рад был без памяти, что от него отстали. Отец?

– И сын.

– Чей сын?

– Погибшей, – Степан вздохнул. – Сидят перед дежуркой уже час, ждут тебя. Ну, и меня заодно. Дед сказал, если не явлюсь сейчас оба, он до министерства дойдет.

– Ладно, скоро буду, – пообещал Копылов, уставив взгляд в водяную воронку, исчезающую в стоке раковины. – Только что сказать сыну и отцу, я не знаю. Через полчаса буду, Степа.

– Давай выходи уже, я у подъезда, – прикрикнул на него приятель. – Стану я ждать, пока ты машину из ракушки своей выгонишь, пока дойдешь до нее. У меня отпуск, между прочим! Давай шустрее...

Дед и внук сидели рядышком возле дежурной части на сиденьях, одолженных их отделу каким-то прогоревшим кинотеатром. Тихо о чем-то переговаривались, никому не мешали, никого не тревожили. Но уходить точно не собирались. И могли просидеть так еще пару дней. Это Копылову дежурный так доложил.

– Разберись, Саня, не дай бог начальство пойдет, начнут задавать вопросы. Оно не надо ни тебе, ни мне.

– Разберусь, – пообещал Копылов, вручил деду и внуку по пропуску и пригласил пройти.

Степан уже в кабинет проскользнул и теперь распахнул настежь обе форточки, пытаясь выгнать из необитаемого два с половиной дня кабинета тяжелый табачный дух. Курили у Копылова всегда безбожно все.

Визитеры расселись на стульях у стены, демонстративно проигнорировав стул в центре кабинета. Ясно – не на допросе.

– Вы нас знаете, так, Александр Иванович? Вернее, меня знаете, – дед ударил себя большой ладонью в грудь, обтянутую клетчатой рубашкой с короткими рукавами. – А это мой внук, Кирилл Савельев. Сын моей погибшей дочери Алины.

– Я догадался, – кивнул осторожно Копылов. – Очень похож на покойную мать.

– Да, очень. – Дед опустил глаза. Но ненадолго, встрепенулся через минуту, глянул строго на обоих оперативников. – И вот этот очень похожий на погибшую мать мальчик очень хотел бы знать подробности.

– Подробности чего? – не понял Саша.

– Подробности гибели своей матери, подробности расследования. Хотел бы знать, почему убийца так и не был найден? Почему?

Копылов положил обе руки на стол, выдал пальцами барабанную дробь, пытаясь собраться с мыслями и успокоиться. Он и восемь лет назад всегда нервничал, когда приходилось

говорить с этим кряжистым пожилым мужиком. А теперь к нему добавился еще и внук, смотревший исподлобья зло и настороженно.

– Иван Митрофанович, если не ошибаюсь? – решил он освежить память.

– Не ошибаетесь.

– Так вот, Иван Митрофанович... Мы же с вами знаем о заключении экспертов, не так ли?

– И что те эксперты! – зло фыркнул мужчина, сжимая громадные кулаки. – Те эксперты установили, что моя дочь в петлю будто бы полезла сама! Это же чушь!! Чушь собачья!!

– Почему же чушь? – вкрадчиво встрял Степка, копаясь в бумагах, разбросанных на его столе. – Все так и было. Ваша дочь... Простите, я могу говорить при ее сыне все?

– Да! – вместо деда крикнул Кирилл. – Я должен знать все!

– Ваша дочь незадолго до смерти имела сексуальный контакт.

– Этот контактер не был установлен! – багровея лицом, выпалил Иван Митрофанович.

– Потому что налицо был факт использования мужского контрацептива. Это тоже установили эксперты. Так вот... После секса она... Она...

– Она повесилась?? – заорал дед, вскакивая с места.

Он и восемь лет назад все время срывался и орал на них, когда дело доходило до этого момента.

– Зачем ей было вешаться?! Зачем?? Ну, имела с кем-то

связь помимо мужа, черт с ним! Вешаться-то зачем??

Кирилл сидел с красными от стыда ушами, опустив голову так низко, что Копылову были видны его шейные позвонки. Согласен, никому не понравится узнавать о своих родителях такие подробности.

– Вы же знаете об объективных причинах, Иван Митрофанович, – с мягкой укоризной произнес Копылов. – Знаете.

– Нет! – Тот тяжело дышал, совсем забыв про внука, съевшегося на стуле от стыда и потрясения. – Назовите мне их!

– Эксперты установили, что ваша дочь на момент смерти... была беременна. Приблизительный срок – четыре недели. – Копылов все же выговорил, хотя и с трудом. – И это еще не все... Наши эксперты диагностировали онкологию. Это ли не причина?! От этого кто угодно способен впасть в отчаяние. Зачем вы вынуждаете меня повторять все это?

– Затем, что я не верю вашим гребаным экспертам!! – взревел Иван Митрофанович, срываясь с места и подлетая к Копылову. – Не верю!!

Саша прекрасно понимал его чувства, ощущал кожей его боль и отчаяние. Но не понимал причин возникновения новой волны. Все это уже было, было восемь лет назад. Что опять могло всколыхнуть?!

– Ты? – Саша ткнул пальцем в сторону Кирилла, дождался, пока тот глянет на него затравленным зверьком. – Тоже не веришь?

– Я не могу верить ни во что, пока не докопаюсь до истины, – еле разжав спекшиеся губы, проговорил юноша. – А истина такова, что...

– Что? – поторопил его отпускник Степа, выразительно гримасничавший теперь в лицо Копылову.

Он, между прочим, на рыбалку собрался с ночевкой.

– Дерьмо! Истина – дерьмо! – Кирилл резко поднялся, сильно напоминая движениями своего деда – такой же сильный и порывистый, хотя и юный.

– Конкретизируйте, юноша.

Копылов откинулся на спинку рабочего стула, сцепил на животе пальцы. Порывистость юноши ему не понравилась. Кто знает, что за ней кроется! Мамаша, которая вела весьма вольную жизнь, в конце концов, покончила с собой – это факт бесспорный. Экспертиз было несколько, все подтверждено. Парень долго наблюдался у психиатров. Кто знает, что с ним теперь? Как начнет психовать и крушить все подряд?!

– Конкретизирую! – скрипнув зубами, произнес Кирилл, останавливаясь в метре от Копылова. – Отец тайно женился на жене своего покойного компаньона.

– И что? – Саша дернул плечами, вывернув нижнюю губу. – Имеет полное право, он вдовец уже восемь лет.

– Так он женился-то пять лет назад! И никто об этом не знал. Ни я, ни дед, ни бабушка. И дети у него, оказывается, есть! Двое! Близнецы! Им по четыре года.

– Неприятно, конечно, но и это не криминал, – встрял Степка, высверливая взглядом в наручных часах дырку. – А то, что скрыл... Он просто щадил вас всех.

– Ага! – зло рассмеялся Кирилл. – Сначала умирает мама. Потом – дядя Сережа через три года. Так все благополучно отошли в мир иной! И отец женится на жене своего друга и компаньона. Бизнес прибирает к рукам! Отлично!

– Минуточку, минуточку, юноша, – Копылов понял, что парень так может договориться бог знает до чего. – Компаньон умер не сразу за вашей матушкой. Кажется, прошли годы?

– Три года всего прошло. – И Копылову в морду сунули три растопыренных веером пальца. – Умер от странной болезни, которую диагностировали, как дед сказал, незадолго до смерти.

– О-о-о, я понял! – Степка со смешком поднялся со своего места, убрал часовой циферблат под рукав ветровки. – Сейчас станете утверждать, что болезнь эту компаньон получил в результате подлых происков вашего отца, заразившего его раком крови! Вам не стыдно, юноша, обвинять его в подобном? Он, между прочим, вырастил вас. И щадил все эти годы, не боюсь повториться. И на личную жизнь имеет полное право, между прочим, как всякий другой человек. Еще неизвестно, как вы сами будете вести себя со своими женщинами. Неизвестно! Так что...

Парень напряжился, обернувшись на Степана.

– Так что? – спросил он, дернув губами так, будто хотел матерно выругаться.

– Мы вас не задерживаем, простите, – мягко вступил Копылов, поняв, что напряженный малый Степку задел, и тот может не сдержаться. А это чревато. – И честно, так и не поняли, что вы от нас хотели спустя восемь лет?

– Кира, сядь, – приказал дед, властно поведя крупным подбородком.

Внук расслабил напряженные мышцы, подошвы его кроссовок взвизгнули, когда он возвращался на свое место. Сел, кулаки в карманах штанов. Взгляд исподлобья. Да, парень сложный. Копылов не удивится, если тот попадет в какую-нибудь историю не сегодня завтра.

– Я вот что хотел... – Дед, широко растопырив локти, упер в колени крепкие кулаки.

Надо же, подумал Копылов, оба на них с кулаками! И вроде претензий никаких не высказано, а угроза ощущается. Просто витает в спертом воздухе их душного кабинета. Острая такая, болезненная, взрывоопасная угроза.

– Я хотел бы знать всех фигурантов по этому делу, молодые люди, – произнес дед, как приговорил. – Всех, а не тех, кого я и без вас знаю!

Знал Иван Митрофанович и правда не всех. Был знаком, разумеется, с супругами Волковыми. Пересекался с артистами: Дедом Морозом и странной женщиной, которая должна была играть роль Снегурочки. Говорил поочередно с со-

седями своей дочери и, собственно, все. Таксисты, которые привозили и увозили артистов, остались незнакомы Ивану Митрофановичу. И еще кое-кто, на чьи показания Копылов опирался прежде всего.

Но не рассказал он об этом человеке тогда, не расскажет и теперь.

– А нам, собственно, к тому, о чем вы знаете, добавить нечего, Иван Митрофанович, – миролюбиво улыбнулся Саня и поднял зад от стула. – Так что...

– Ага! Значит, вы помогать нам отказываетесь? – Дед громко шлепнул себя по коленкам. Его почерневшие от гнева глаза не смотрели ни на кого, они внимательно рассматривали голубой квадрат неба, очерченный окном. – Ладно... – с угрозой произнес он, поднимаясь. – Тогда мы пошли. Тогда мы сами.

– Что – сами? Что – сами? – кинулся вдогонку за ними Степка, ему сделалось неуютно от угрозы, зазвучавшей в последних словах.

– То, что надо! – рявкнул дед, едва не прищемив Степке нос дверью.

Тот минуту стоял спиной к Копылову, потом широко развел руки, шлепнул себя по бедрам и, повернувшись к Копылову, спросил:

– Что это было, Саня? – Он выглядел растерянным и встревоженным одновременно. – Что это было?

– Не бери в голову, – посоветовал друг, стараясь казаться

спокойным. – Наверняка станут играть в детективов, теперь уже на пару.

– Думаешь? – Тревога в глазах Степки начала разжижаться.

– Уверен. Только раньше дед один был, теперь – на пару с внуком. Внук этот, скажу я тебе...

– Психопат?

– Ох, не понравился он мне, Степа. Ох, не понравился! – Копылов с хрустом потянулся, пожевал губами, поморщился. – Ох, уж эта Лена-а-а...

– Чё? Чё? – оживился сразу Степка, тут же забыв про визитеров. – Оставила после себя неизгладимый след в душе, да, Санек?

– Оставила после себя пустой холодильник и погром, – вяло улыбнулся Саня, поигрывая карандашом.

– А душа? С душой что, Саня? – Степка попытался скрывать вдохновенную рожу, но тут же расхохотался. – Так же, как в холодильнике? Пусто?

– Там пусто давно, – буркнул Копылов и глянул в окно. – Ты на рыбалку, между прочим, собирался.

– Собирался, – кивнул тот и снова глянул на часы. – Какая теперь рыбалка!

– Хочешь поработать? – удивленно вскинул брови Саша.

– Все, исчезаю!

Степа схватил ключи от машины со стола и растворился за дверью. А Копылов еще долго сидел одиноко в тишине

кабинета, вспоминая Рождество восьмилетней давности.

Холодно, снежно, страшно!

Так он мог бы кратенько охарактеризовать то, что почувствовал, когда приехал на место преступления. Женщина – подруга самоубийцы – тонко выла в углу коридора, завернувшись в кокон из курток. Мальчик орал, дергался в руках врачей. Муж умершей сидел на стуле у стола с неестественно выпрямленной спиной и безумным взглядом, устремленным на воющую женщину. Был еще Дед Мороз, заблевавший весь снег возле сараев. От него разило так, что Копылов потом еще пару дней морщился, стоило вспомнить. Несостоявшаяся Снегурочка с грубым голосом, нажравшаяся к их приезду так, что говорить потом не могла часа три.

Кто еще?

Ну, любопытные были, разумеется, из соседей и их гостей. Публика, к тому часу захмелевшая и немногочисленная. Таксист подъехал, которого вызвала Снегурочка с Дедом Морозом. Вот, пожалуй, и все.

Это потом уже нашлись еще один таксист и еще один человек, оказавшийся весьма и весьма полезным. А материалы, которые он представил, – особенно.

И вдруг к тому моменту, когда Копылов почти уже успокоился насчет внука с дедом, его мозг прошила страшная мысль.

А не доберутся ли, в силу последних обстоятельств, эти два мстителя до того человечка? Не дай бог им до него до-

браться, не дай бог...

Глава 5

Илья лежал, скорчившись на старом продавленном диване, отвратительно воняющем потом и кошачьей мочой. Кто-то когда-то давно выбросил его, аккуратно поставив под кустами акации за домом. А он, опробовав его тощим задом, с друзьями-алкашами притащил к себе, в замызганную гостями и собственными руками квартирку на первом этаже.

Квартирка была крохотной: тесная кухня, узкий коридор, совмещенный санузел и комната шестнадцать квадратов. Это все, что осталось ему от брака с норовистой стервой, выпершей его за порог шикарной трешки. Хорошо, что детей они не нажили, а то бы ему теперь – в это солнечное летнее утро – было бы много поганее. И так не сахар, а то – вообще!

Илья попробовал заворочаться, бесполезно. Организм категорически противился его желанию подняться, дойти до кухни и попить воды из крана. Что же они вчера пили? Или позавчера, а вчера похмелялись? Вспомнить не мог! Ужас!

Он тяжело вздохнул, еще раз поворочался, все тело тут же прострелило тупой болью, и вдруг заплакал. Господи, как же жаль было себя! Как жаль своих лет, профуканных так бездарно. Все, он скатился на самый низ, в помойку. И живет рядом с ней – окна как раз выходили на мусорные баки. Потому он и диван этот вовремя засек. Помойка. И жизнь его,

и все вокруг него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.